

АЛЕКСАНДР ЛИДИН

ЗВЕЗДНЫЙ ЛЕГИОН

Александр Лидин
Звездный легион

«Точинов Виктор»

2012

Лидин А.

Звездный легион / А. Лидин — «Точинов Виктор», 2012

В звездной системе Скорпиона идет война между переселенцами с Земли, потерявшими связь с родной планетой, – и уэнами, расой, стремящейся к господству в Галактике. Сталкиваются армады межзвездных кораблей, населенные планеты подвергаются атакам из космоса. Неожиданно в борьбу вмешивается третья сила. Сила древняя, загадочная, бесконечно жестокая... Сумеют ли выстоять люди в борьбе на два фронта? Сумеют ли уберечь свою цивилизацию от безжалостных Служителей Смерти? Ответ не знает никто. Битва началась, и для кого-то она станет последней...

© Лидин А., 2012

© Точинов Виктор, 2012

Содержание

Введение	5
Пролог	7
Глава первая	12
Глава вторая	23
Глава третья	35
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Лидин

Звездный легион

Тане Серебряной, блестящему переводчику и прекрасной женщине с холодной головой и горячим сердцем, без которой этот роман никогда не был бы написан.

Введение

В начале XXII века человечество Земли закончило осваивать Солнечную систему и устремилось за ее пределы: были разработаны подпространственные двигатели, первые межзвездные корабли отправились в экспедиции и вернулись с первыми положительными результатами... Программа путешествий на дальние расстояния получила государственную поддержку ведущих стран и обильное финансирование.

Однако после первых достигнутых успехов все более нарастали противоречия между участниками проекта: Россией, США, Европейским Союзом и Юго-Восточным Альянсом. Индия и исламские страны тоже не желали оставаться в проекте на вторых ролях, и требовали увеличения своей доли участия в заселении вновь открытых геоподобных миров и в разработке их природных богатств.

Остроту противоречий на время сгладила внешняя угроза. Человечество столкнулось в дальнем космосе с гуманоидной расой, внешне похожей на людей, но проповедующей мораль собственной исключительности. Людей чужаки не воспринимали как разумную расу и считали существами второго сорта...

Стычки между разведывательными кораблями быстро превратились в масштабную и затяжную войну. Опасаясь уничтожения Земли ударами из космоса, Совет Государств (преемник ООН) принял решение о реализации программы «Исход» – о разработке и приоритетном строительстве гигантских подпространственных кораблей и отбору экипажей колонистов. Задача программы ставилось создание колоний, которые можно будет использовать для отступления и возрождения человечества в случае проигрыша войны...

К перемещению готовился первый эвакуационный флот – двенадцать громадных кораблей-ковчегов, на каждом многотысячный экипаж, ядро будущей колонии. Экипажи формировались по национальному признаку странами, участвовавшими в проекте. Колонисты владели всей суммой земных промышленных и научных технологий, а также оборудованием, необходимым для создания технической базы цивилизации. Первичным сырьем должны были послужить выполнившие свою функцию корпуса кораблей-ковчегов – одноразовых, способных лишь к одному межзвездному прыжку. Для быстрого увеличения численности населения вновь основанных колоний корабли-ковчеги везли большие запасы генетического материала: законсервированные мужские и женские половые клетки, а также инкубаторы, позволяющие выращивать младенцев вне материнской утробы.

В момент запуска флот подвергся атаке пришельцев – в результате оказались сбиты координаты пункта назначения, и каждый корабль ушел непонятно куда.

Рассеявшиеся по отдаленным закоулкам Галактики, потерявшие связь с родной планетой и друг с другом, экипажи кораблей-ковчегов в одиночку вступили в борьбу за выживание.

Судьба переселенцев сложилась по-разному. Одни колонисты удачно попали к звездам, изобилующим планетами земного типа, лишенными, однако, разумных обитателей. Другим же пришлось вести борьбу за немногочисленные пригодные для обитания планеты с агрессивно настроенными инопланетянами...

Разгорелись ГАЛАКТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ.

Пролог

Илэр уверенно шагнул через люк шлюза.

Глядя прямо перед собой и чеканя шаг, он шел к отметке – красному треугольнику, выведенному флуоресцирующей красной краской на блестящем металлическом полу. Здесь он щелкнул каблуками, чуть склонил голову и опустился на правое колено – в полном согласии с неписанным кодексом пилотов-истребителей. В этот миг он чувствовал себя настоящим рыцарем, героем легенд полузабытого прошлого далекой Земли. Вот он, воин в сверкающих доспехах, преклоняет колено, чтобы получить благословление короля и отправиться в неравный бой с сарацинами...

Где-то за толстыми металлическими стенами лифта заработали сервомоторы. Пол под ногами Илэра вздрогнул, и огромная кабина медленно поползла вверх.

В такие минуты Илэр старался ни о чем не думать. Он – пилот. Через несколько минут он вновь окажется в кабине истребителя. А потом... Потом то, ради чего он жил последние пару лет – безумный полет в пустоте, перекрестья лазерных лучей, вакуумные торпеды, враги... Много врагов. И всех их нужно уничтожить, стереть в пыль...

На мгновение Илэр перевел взгляд на свое отражение на металлическом полу. Суровое, слишком узкое лицо с глубоко запавшими бусинками глаз. Кожа, посеревшая от шрамов после радиационных ожогов. Седая копна волос.

«Совсем седой. А ведь еще за третий десяток не перевалило».

Мысль искрой мелькнула в голове, но Илэр тут же отогнал ее. В трудные времена мальчишки рано взрослеют, мужчины рано седеют. Сейчас нельзя думать о таких пустяках. Сосредоточиться на предстоящей схватке, отрешиться от всего прочего... Когда ты сидишь в кресле пилота, для тебя существуют только две вещи: бездонная чернота космоса – и противник. Ради этого придуман Ритуал. Ради этого во время подъема лифта на палубу крейсера-носителя пилоты опускаются на колено, в очередной раз вознося безмолвную клятву Богам космоса. Нет, не тем, что именуют себя *уэнами*. Не тем, кто распространяется по Галактике, словно чума, чтобы присоединять человеческие колонии к своему проклятому Альянсу, даря проигравшим рабство. Нет, у пилотов свои боги, а кто они – известно только самим пилотам. Правда, ни один пилот вам в этом не признается.

Но вот со скрежетом разошелся люк над головой Илэра, и огромные сервомоторы вынесли платформу лифта на стартовое поле.

Высоко над головой, переливаясь всеми цветами радуги, уже мерцали сполохи силового поля – северное сияние войны. Вдали застыли горбатые силуэты истребителей, для стороннего взгляда уродливые, для пилотов привычные и родные... Между ними, словно муравьи меж скал, сновали техники. Подготовка к боевому вылету шла полным ходом.

Едва пол лифта сравнялся с летным полем, Илэр и еще девять пилотов сорвались с места и бросились к своим машинам...

Межзвездный авианосец «Корсиканец» возвращался с орбит внешних планет. Чтобы избежать столкновения с метеоритным роем, он был вынужден значительно отклониться от заранее согласованного курса и выйти далеко за плоскость звездной системы Гаммы Скорпиона – ныне системы Робеспьера. Корабли сопровождения остались далеко в стороне, и «Корсиканец» оказался без прикрытия. Разумеется, уэны не преминули этим воспользоваться. Откуда они узнали о вынужденном маневре «Корсиканца»? Ходили слухи о предателях, о тайных агентах врагов, затерявшихся среди людей... «Сказки от службы безопасности», – таково было мнение большинства пилотов. Тайной полиции надо как-то оправдывать свое существование. Как можно спутать человека с уэном? Тут никакая маскировка не поможет. Однако в этот раз истребители Альянса появились совершенно неожиданно. Они обрушили на авианосец Рес-

публики всю мощь орудий и засыпали защитное поле десятками вакуумных торпед. Атакующие, как всегда, шли над самым силовым полем – от зенитных комплексов в таких случаях толку мало. Защитить звездолет могли только истребители, крошечные пчелы, чьи укусы смертельны для врага.

И теперь...

За считанные секунды Илэр преодолел стометровку – расстояние до своего корабля. Цепляясь за скобы на корпусе, проворно вскарабкался наверх и плюхнулся на сидение. Щелчок – и фиксаторы неподъемной тяжестью вдавили его в кресло. Илэр скорее осознал, чем услышал щелчок, когда шлем со всей его электронной начинкой подключился к компьютеру истребителя. В вену впилась тонкая игла: для продуктивной работы тело пилота нуждается в витаминах и стимуляторах. Едва первая ампула опустела, в мозг потекла информация – компьютер проверял личность пилота, оценивал его физическую форму. Снова щелчок: к специальному разъему, вживленному в затылок пилота, подсоединился шлейф-кабель прямого доступа. Теперь человек и машина стали единым целым. Теперь достаточно мысли – в следующую наносекунду бортовой компьютер расшифрует ее и превратит в команду, затем отдаст приказ истребителю. Закрыв глаза, Илэр разом увидел все, что происходит вокруг его машины; повинувшись мысленному импульсу, словно бы сам собой, щелкнул тумблер герметизации кабины. Вспыхнули сигнальные огни. Истребитель и человек подавали сигнал техникам:

«Готов к старту. Отойдите от истребителя».

Ответная вспышка:

«Ждите. Истребитель к вылету не готов».

Проверка систем не закончилась... Значит, что-то не в порядке, что-то не устроило компьютер ЦУПа, и тесты пошли по второму кругу.

Через мгновение Илэр уже знал, в чем дело: не загружено и половины минимального боекомплекта.

«Ну почему так? – пилот откинулся на жесткую спинку кресла. – Только настроишься, только подумаешь: конец этой скуке, этим дежурствам, наконец-то в бой... и тут Судьба начинает...»

В этот момент машина справа медленно развернулась. Продувка... Постепенно набирая скорость, Эме покатила к краю взлетного поля, где черными ямами темнели стартовые колодцы.

– Я – два-пятнадцать, готовлюсь к взлету.

– Взлет через третий колодец через пятнадцать секунд. Повторяю: взлет через третий колодец через пятнадцать секунд, – монотонно забубнил диспетчер.

– Удачи, Эме, – выдохнул Илэр.

– Три-пятнадцать, не засоряйте эфир.

Илэр покосился на техников. Подключившись к компьютеру, пилот увеличивал скорость собственного восприятия в сотни раз. Видимо, поэтому казалось, что техники безмолвно замерли, решив так и не доводить до конца начатую работу. Нет, они двигаются... точно водолазы на глубине. Подняли руки... Потом откуда-то из недр корабля поднялась грузовая платформа – медленно, словно едва справлялась с весом металлических контейнеров. Щелк, щелк, щелк... Один за другим они входили в пазы, облепляя крылатую машину словно бы второй шкурой, ребристой и угловатой. Казалось, что техники просто наблюдают, как механические манипуляторы легко, будто играючи, устанавливают смертоносный груз.

И тут накатили воспоминания.

Не время, не время... Илэр знал это, но перед глазами вновь вставал разрушенный Порт-Авиньон. Пни небоскребов... Столбы жирного, вонючего дыма поднимаются над ними, и зеленое небо Новой Республики вдруг кажется таким тусклым... Где-то среди руин надсадно, беспомощно завывают пожарные сирены. Кто-то нашел старинный громкоговоритель и призывает людей к спокойствию...

Тогда стервятники Альянса совершили свой первый налет. Сколько беззащитных людей погибло в тот день? ВКС и системы планетарной обороны Республики пытались противостоять агрессорам, но что они могли сделать? Молодая Республика только начинала обживать новые планеты, и ей было нечего противопоставить безжалостному врагу. Военно-космические силы состояли всего лишь из трех эскадрилий кораблей-разведчиков – быстрых, но очень слабо вооруженных и защищенных...

Сколько было налетов с тех пор? Сколько слез пролили те, кто потерял родных в огненном аду? Началось это больше пяти лет назад, и с тех пор... С тех пор не прекращается кровавая бойня, которую кто-то по ошибке назвал войной. Медленно, неторопливо перемалывает она людей, коверкая человеческие судьбы...

Люди не сдавались. Используя передовые технологии Земли, им удалось отстроить боевой флот.

На миг перед мысленным взором Илэр встало лицо погибшей жены. Только почему его черты расплываются, словно в тумане? Память услужливо дорисовывала знакомый образ, но он все равно ускользал, таял в пустоте... А может, это вовсе не жена, а мать, погибшая много лет назад, еще до войны, от нейтритной лихорадки?..

– Три-пятнадцать, вы что, уснули? – в голосе диспетчера звучали злые нотки. – Ваш колодец номер пять. Повторяю: три-пятнадцать, готовьтесь к старту через пятый колодец...

– Но...

Илэр уже собирался пожаловаться на техников, которые ждут неизвестно чего и до сих пор не снарядили его корабль. Однако, взглянув на летное поле, он увидел, что техников уже и след простыл.

Привычным усилием воли он передвинул воображаемый рычаг, запуская реактивный двигатель. Машина взревела, задрожала, словно дикий зверь, предвкушающий легкую добычу. Легким движением несуществующего штурвала Илэр развернул машину, и та, повинаясь чуть заметным, но точным подрагиваниям его длинных, чувствительных, нервных пальцев, медленно покатила в сторону пятого колодца.

Еще несколько метров – и Илэр заглушил двигатель. Истребитель застыл в чаше стартовой катапульты.

Грохот запуска.

Страшное ускорение вдавило пилота в кресло. На мгновение зрение отказало. Руки инстинктивным судорожным движением стиснули подлокотники.

Раз... Два... Три...

Вокруг раскинулась безбрежная тьма космоса, усеянная угольками далеких светил. Разноцветными спиралями улиток свернулись далекие галактики. Пыльной рекой тянулся Млечный путь. Лишь позади – или внизу? Как быть, если нет ни низа, ни верха? – кружился, неспешно удаляясь, сверкающий блин космического авианосца.

– *Три-пятнадцать стартовал*, – отрапортовал Илэр. Он настолько привык мысленно произносить эти слова после каждого вылета, что мозг сам сформировал мысль, и компьютер, уловив ее, переложил в электронный импульс. Как сказал один человек, в космосе языком не чешут.

– *Займите свое место в третьем звене. Атака вдоль пятой параллели от условного южного полюса. Наклон по оси сорок градусов. Строй веерный. Не старайтесь...*

Слова командира пятнадцатой эскадрильи гулким эхом отдавались в голове Илэра. Пальцы сами летали над воображаемым пультом управления, что-то переключая, стабилизируя курс. Одновременно компьютер тестировал системы корабля. Еще не поздно вернуться на палубу авианосца, затаиться и надеяться, что случится чудо: что силовое поле выдержит вражеский обстрел и, истратив все боеприпасы, уэны отступят на исходный рубеж.

– *Все системы в норме.*

В любом случае, отступать поздно. За миллионную долю секунды до того, как «голос» компьютера прозвучал в голове Илэра, крошечная зеленая искорка промелькнула справа, почти на границе зоны обзора. Никаких сомнений: истребитель уэнов. А искорка – это реактивная струя инопланетного двигателя.

– *Вижу одиночную цель. Начинаю преследование.*

– *Преследование разрешаю.*

Разрешение командира звена прозвучало несколько запоздало. Истребитель Илэра уже завалился на крыло и теперь мчался над самым силовым полем, небрежно огибая многочисленные надстройки авианосца.

В обычном сражении такую тактику обозвали бы «порочной». Звено должно действовать сообща. Но в войне с уэнами старые, наработанные приемы лучше забыть. С воинами Альянса приходится сражаться один на один, соблюдая неписанный дуэльный кодекс. «Раса индивидуалистов» – вот как назвал их Консул-Президент. И был совершенно прав.

Уэны имели значительное превосходство и в численности, и в технологиях. Действуя единым фронтом, Новая Республика давно существовала бы только в файлах исторических хроник, если уэны ведут таковые... Но инопланетяне предпочитали космические дуэли, тем самым оставив людям шанс. Если же человеческие флотилии выступали единым строем, *уэны* отказывались принимать бой и отступали, чтобы заманить противника в ловушку, под прицел своих кораблей-баз. Эти великаны были неповоротливы, но огневая мощь их дальнобойных орудий во много раз превосходила ту, которой обладали корабли Республики.

Илэру подобные игры были не в новинку. Дважды ему удалось победить в поединке с уэном – при их технике, при мастерстве и скорости реакции их пилотов дело почти невозможное. Трижды дуэль кончалась вничью: оба истребителя, получив значительные повреждения, расплзались в разные стороны. Но сейчас...

Сегодня Илэра не покидало странное чувство. «Запас везения не бесконечен», – упорно твердил противный чужой голосок, угнездившийся где-то далеко-далеко, на самом краю сознания. Будь ты даже пилотом высшего класса, рано или поздно ты разработаешь его, как боекомплект истребителя. И тогда Судьба возьмет свое.

И когда он бросил корабль в погоню за вражеским истребителем, когда каменной плитой навалилось ускорение, под сердцем вновь защемило. Что-то тут не так. Обычно уэны не убегают, если предлагаешь им дуэль. Они могут чуть отступить, сделать круг, занимая более выгодное положение, но бежать... А где авианосцы Альянса? Не могли же крошечные истребители своим ходом преодолеть бездну пустоты, разделяющую звездные системы!

Илэр активировал поисковую систему и вкатил себе еще одну дозу анаболиков. Еще раз просканировал окружающее пространство, пытаясь разглядеть хотя бы след реактивного выброса. Все напрасно. Вражеский истребитель словно растворился в пустоте.

– *Три-пятнадцать. Цель потеряна. Возвращаюсь.*

– *Вас понял, три-пятнадцать,* – откликнулся командир-координатор. – *Новый азимут семьсот двадцать один. Выходите на первоначально заданную...*

И тут истребитель уэнов вынырнул из-за высокой антенной башни. Извивающаяся сороконожка, вытянувшая во все стороны непропорционально длинные лапы, ошетилившаяся тысячами ядовитых жал... Метнувшись наперерез Илэру, инопланетянин разом выпустил две магнитные торпеды. Одну Илэр уничтожил без труда, захватив в перекрестье прицела лазера. Вторая прошла угрожающе близко. Миг – и ее наведенные магнитные поля частично парализовали электронное оборудование правого борта.

Илэр едва успел переключиться на ручное управление. Истребитель завалился на крыло, но было слишком поздно. Еще не осознав до конца происходящего, пилот понял: вражеский корабль на полной скорости сейчас врежется в борт его машины.

Столкновения было не избежать...

Скрежет раздираемого металла заглушил щелчки микровзрывов, высвобождающих кабину пилота: защитные системы истребителя не подвели. Нет, он не услышал звуков – он почувствовал всем телом, как рвется сверхпрочный металл, как ломается броня, разлетаются на миллионы кусочков кварцевые стекла...

– *Меня подбили...*

Успел ли он отправить ментальное послание командиру? Вновь застонал металл. А потом сила направленного взрыва вырвала спасательную капсулу – кабину истребителя – и швырнула ее к звездам. С треском лопнули фиксаторы. По лицевой панели шлема побежала паутина трещин... Аварийное устройство тут же плеснуло на щиток жидким полимером. Шлем был спасен, но Илэр почти «ослеп».

Вот и все... Конец.

Паника нахлынула ледяной волной, но он тут же отогнал ее. Какая чушь! Он еще жив, а значит – должен бороться.

– *Говорит три-пятнадцать. Меня сбили. Нуждаюсь в помощи...*

Тишина.

Интересно, что с блоком питания? Илэр напрягся и попытался повернуть голову, но не смог даже пошевелиться – погнутые прутья системы безопасности поймали его в стальной капкан. Хорошо, попробуем связаться с бортовым компьютером. Его должно катапультировать вместе с креслом пилота...

Никакого ответа.

«Ладно. Попробуем по-другому».

Потянувшись, Илэр попытался добраться до джойстика. Спасательная капсула в некотором смысле напоминала ракету с реактивными двигателями... Но вместо гладкой пластиковой поверхности джойстика кончики пальцев ощутили лишь неровный, искореженный кусок металла, который почему-то захотелось назвать «огрызком».

Он не может самостоятельно двигаться!

Чувствуя новый прилив паники, Илэр начал перебирать частоты:

– *Говорит три-пятнадцать. Меня сбили. Нуждаюсь в помощи...*

Эфир молчал.

– *Говорит три-...* – Илэр не закончил фразу.

В крошечном «окошке» на щитке шлема, куда каким-то чудом не попала пена – сбоку, на периферии обзора – что-то мелькнуло; он до предела скосил взгляд, чувствуя дикую боль в глазных яблоках...

Авианосец.

Нет! Так не бывает!

Илэр застонал от отчаяния. Огромный корабль казался пятнышком размером с рисовое зернышко, и с каждым мгновением становился все меньше и меньше.

– На помощь! – взывал Илэр. Он слишком хорошо представлял, какая смерть его ждет. Кто не слышал о «космических странниках» – мертвых астронавтах, дрейфующих в открытом космосе? Бездарно погибнуть из-за неисправности одной из автоматических систем... Уж лучше в один миг сгореть в огне луча вражеского лазера или разлететься по космосу кровавыми кусками после взрыва вакуумной бомбы! А висеть в пустоте и ждать, когда иссякнет запас кислорода и до последней секунды надеясь, что тебя подберут...

Авианосец становился все меньше и меньше, постепенно превращаясь в крошечную звездочку.

– *СОС!.. СОС!.. Это три-пятнадцать!.. Меня кто-нибудь слышит?!*

Тишина. Мертвая, как межзвездный вакуум.

Глава первая

На задворках Альянса

Надо быть умной обезьяной.
Мао Цзэдун

Драго Шиляку не повезло еще до рождения. Если разобраться, то даже до зачатия.

Его отец – Счастливчик Шиляк – попал в нейтропоток. Уровень радиации оказался слишком низким, и Счастливчик не придал значения происшествию. Каждый шахтер рано или поздно схлопочет свою дозу, они за это и получают безумно щедрую плату на копиях Тау. В основном не деньгами, деньги выплачивали лишь немногочисленным вольнонаемным, – но их собственными никчемными жизнями.

Однако если бы Счастливчик Шиляк знал, что в ночь после той смены ему предстоит зачать Драго, и что его гены, прожаренные нейтронами, сыграют с его отпрыском злую шутку, то...

То, наверное, все равно бы выпил свои законные два литра дешевого и крепкого красного вина, – всем шахтерам известно, как хорошо оно вымывает радиацию из организма. Выпил бы и потащил бы супругу в койку. Шиляк был фаталистом.

Через три месяца вместо положенных девяти супруга Счастливчика родила абсолютно здорового младенца мужского пола, которого ни один врач не признал бы недоношенным. Он и уродом не выглядел, по крайней мере внешне. Хотя и красавцем назвать трудно: низкий лоб, непропорциональные, слишком длинные руки.

«Руки загребушие» – пошутил один из приятелей Шиляка, за что тут же получил в глаз от счастливого папаши. Слова оказались пророческими...

Однако *служители* способностями пророков не обладали, и датой зачатия не поинтересовались, – признали младенца «жизнеспособным» и поставили идентификационное клеймо.

В возрасте пяти лет Драго можно было дать все двенадцать. Он одиноко слонялся по шахтерскому поселку, по скопищу грязных серых построек из сланцевых плит, затерявшемуся посреди серой равнины. Парень не боялся ни *служителей* – военизированных полицейских, следящих за порядком в поселке, – ни многочисленных банд, состоящих из агрессивных подростков, которые, давая взятки представителям власти, безраздельно правили на улицах Тау-54. Не боялся даже диких койотов – потомков земных собак, стаями бродивших вокруг поселка и по ночам совершавших набеги на окраинные улочки.

Драго воровал все, что плохо лежит. Он вступал в схватку, даже если противник был сильнее, и никогда не отступал. Его упорству и жестокости можно было только подивиться... Но соседей такие качества не удивляли – население поселка состояло большей частью из пожизненно приговоренных каторжан, которых свозили на Тау со всех концов Альянса. Вернее, лишь с его планет, населенных людьми.

Люди оказались менее восприимчивы к нейтроизлучению. Уэны старались не заниматься вредными производствами: даже от малой доли «нейтро» они на несколько лет впадали в кому... Но Альянсу был нужен *нейтрит*. Поэтому вместо того, чтобы уничтожать людей-преступников, их отправляли на бесплодные равнины Тау, где им волей-неволей приходилось трудиться на благо Альянса, получая взамен пищу, – и так до конца жизни.

Однако Драго Шиляк, несомненно, выделялся из общей массы.

Когда парню стукнуло двенадцать, его попытался подчинить себе главарь шайки, заправлявшей ночной жизнью той улицы, где жил Драго. Драка переросла в настоящий поединок. В

финале Драго убил противника, разорвав зубами ему сонную артерию, после чего *служители* доставили парня в местное Отделение Порядка.

Драго сидел в участке и угрюмо взирал на своих обидчиков. Его огромные пальцы то и дело сжимались и разжимались, словно он собирался вцепиться кому-то в горло. Глубоко посаженные глаза метали молнии. Из уголка рта на воротник протянулась полоска кровавой слюны.

Согласно закону, отцу пришлось выкупить Драго. Впрочем, *служители* не имели особых претензий к убийце, и сумма выкупа оказалась невелика. По сути, он сделал благое дело, избавив поселок от отъявленного подонка. Однако Драго нарушил еще один закон. Вопреки неписанному кодексу улиц, он не стал предводителем банды. Но отнюдь не потому, что хотел идти работать в шахту...

Так он и заявил отцу в ходе серьезного разговора, состоявшегося на следующий день. Не хочет, дескать, ползать в темноте и царапать ногтями камни. Не хочет, как папаша, всю жизнь барахтаться в грязи, вкалывая за гроши, чтобы кто-то набивал брюхо за его, Драго, счет... Выражался он проще, красноречием юноша не блистал, но смысл прощальной речи Шиляка-младшего был именно таков.

Не слушая ни уговоров отца, ни причитаний матери, Драго собрал вещи и ушел из дома.

Он поселился на краю поселка в одной из брошенных хижин, которые пустовали еще с Недели Смуты. Его никто не беспокоил, ему никто не был нужен. Жил он, промышляя мелким воровством. Несколько раз попадался. И всякий раз, отсидев за мелкую кражу суток десять, оказывался на свободе: инспектор служителей проверял идентификационную татуировку, и выяснялось, что Драго еще слишком молод.

Тау считалась «дном» Альянса – ниже падать уже некуда.

Ссылка? Но любое другое место покажется осужденному на ссылку преступнику с Тау курортом... А держать его взаперти, кормить и поить за счет правительства было бы еще глупее, чем оставлять на свободе. Конечно, существовали принудительные работы, но согласно гуманным законам уэнов «ни одно существо, не достигшее совершеннолетия, не может быть отправлено на принудительные работы или иным способом наказано за свой проступок». Совершеннолетие наступало в двадцать один год, и до этого срока Драго мог чувствовать себя в полной безопасности. Власти планеты-тюрьмы много раз взывали к уэнам, пытались уговорить их внести в местные законы некоторые коррективы, но инопланетяне и слушать не желали. Их сила опиралась на власть. По меркам людей, они были консерваторами, каких поискать. Принятое однажды решение, даже если оно было в корне неправильно, никогда не пересматривалось. Единственная уступка, на которую пошли уэны, – система штрафов. Однако теперь Драго жил один. Он отказался от своих родителей и, следовательно, его все это не касалось.

К двадцати годам Драго превратился в огромного волосатого детину с низким лбом и руками ниже колен. Ходил он, сильно сутулясь, не мылся и не стирал своих вонючих обносков. Сальные волосы висели патлами... Словом, впечатление производил малоприятное. Все его нажитое добро состояло из десятка рваных, полусгнивших одеял и набора отмычек, который достался ему совершенно случайно.

Неизвестно, чтобы с ним стало бы дальше, останься он в Тау-52. Скорее всего, *служители* схватили бы его во время одного из рейдов. А потом, закованный в цепи, он отправился бы в вечную тьму, на самые нижние уровни шахт, куда отказывались спускаться вольнонаемные шахтеры. И там, проклиная всех и вся, стоя по колено в радиоактивной воде, он добывал бы нейтрит за миску похлебки и жалкую корку хлеба. Обычно «светляки», так называли рабочих нижних уровней, дольше года не протягивали...

Однако Драго повезло. Он встретил удивительное создание по прозвищу «Живчик». Поговаривали, что Живчик – мутант, порождение радиации. Одна удачная мутация на миллионы... Может, и так. А может быть, Живчик был преступником с какой-нибудь отдаленной пла-

неты, где люди-поселенцы сумели пережить спонтанную мутацию, или целенаправленно изменили свой геном, приспособиваясь к местным условиям... На Тау служители не зря получали паек и жалованье, ревностно уничтожая всех младенцев с ярко выраженной мутацией. Никаких трехглазых, трехногих, шестипалых! Поэтому родился Живчик в каком-нибудь из шахтерских поселков, его усыпили бы еще в возрасте двух-трех дней. Хотя Живчик мог родиться и среди *отказников*, ютящихся у отрогов Губастых гор. Там нет служителей и не действуют законы цивилизованного общества...

В день встречи с Живчиком – в один из тех мрачных дней, когда ветер как будто забывает о собственном существовании, и над поселком повисает грибовидное облако смога, – Драго повезло. Он стянул кошелек у одного из богатеньких вольнонаемных шахтеров.

Вернувшись в свое логово, он сел на пороге и начал потрошить толстый бумажник. В пыль полетели стереофотографии наигранно счастливых детишек и жены, кредитные карточки (пользоваться ими Драго не умел), пара засаленных визиток...

Драго оставил себе лишь несколько купюр, отпечатанных на тончайшей металлизированной бумаге. На одной их стороне красовалось изображение здания Совета Управляющих, расположенного в Тау-1, на другой – портрет какого-то мордастого уэна с суровым взглядом...

Неожиданно за спиной Драго кто-то хмыкнул. Парень резко обернулся... и остолбенел.

Больше всего Живчик напоминал Тыквоголового из страны Оз: неимоверно тощие конечности и огромная голова, удивительно похожая на тыкву и увенчанная на самой макушке пучком рыжих волос.

Рабочий комбинезон – обычная одежда мужчин на Тау, – висел на нем, как на вешалке. Правда, Драго не заметил нашивок, указывающих на то, к какой шахте приписан владелец спецовки. Странно... Носить их предписывалось в обязательном порядке.

Но еще больше Драго удивился, когда незнакомец заговорил:

– Привет, парень. Вижу, тебе сегодня подфартило.

Он говорил не только губами! Все лицо незнакомца пришло в движение, превратившись в чудовищную, бесформенную маску.

Драго вернул на место отвисшую от изумления челюсть и недовольно буркнул:

– Чего надо?

Спору нет, незнакомец выглядел занятно. Но это не повод обсуждать с ним свои дела. До совершеннолетия оставалось всего несколько месяцев... и Драго отлично знал, что за этим последует.

– А ты ловкий парень, как я погляжу, – как ни в чем не бывало продолжал Живчик. – Мне как раз нужен такой помощник...

– Отвали, урод...

Драго медленно поднялся, – словно дикий зверь, на вид расслабленный, но готовый в любой момент броситься на беззащитную жертву.

– Не глупи, парень, – спокойно проговорил Живчик, вроде и не замечая, как сжимаются и разжимаются кулачищи Драго. – Прежде чем прийти сюда, я кое-что о тебе разузнал. Поговорил со *служителями*. Твоя вольготная жизнь продлится еще месяца три, а потом удача навсегда повернется к тебе задницей.

Ничего себе! Драго почувствовал, что челюсть снова начинает отвисать. Родители – единственные люди, которые проявляли по отношению к нему какой-то интерес и даже какие-то добрые чувства. Но они давно отказались от сына... А больше до него на всем Тау никому нет дела.

– Чего надо? – повторил свой вопрос Драго, но на этот раз в голосе звучала не угроза, а любопытство.

– Предлагаю тебе одну работенку. Взамен я помогу тебе убраться с этой планеты. Точнее... мы покинем ее вместе.

* * *

Взрывы прогрехотали в трех шахтах одновременно. В первый же миг погибло несколько десятков шахтеров, но через три часа число жертв возросло до нескольких сотен: люди задохнулись в завалах или получили смертельную дозу радиации.

Над Тау-52 завывали сирены. Тысячи рабочих вышли из домов и направились к центральной площади поселка. Установленный Альянсом порядок давно никого не устраивал. Многие мечтали выбраться с Тау – куда угодно, лишь бы не вкалывать как проклятым с утра до ночи, не зная выходных, не имея возможности выбрать другую работу...

Далеко не все шахтеры были преступниками. Они провинились перед Альянсом лишь в одном: их отцы и деды когда-то совершили то, что проклятые инопланетяне сочли преступлением. Они влачили жалкое существование, расплачиваясь здоровьем за каждую добытую тонну нейтрита. А теперь из-за нейтрита погибли их товарищи...

Масла в огонь подлила толпа малолетних преступников. Любые беспорядки обещали настоящее раздолье для мародеров...

Кто-то уже вооружился мегафоном и выкрикивал в него:

– Наши братья и родственники гибнут во тьме под землей... Нам платят гроши, нас лишили всех благ цивилизации... Мы живем, словно навозные черви... Долой служителей! Долой уэнов! Долой Альянс!

Гибель шахтеров оказалась на руку и руководителям РПП – Рабочей Профсоюзной Партии. Они утверждали, ведут борьбу за интересы шахтеров и рабочих перерабатывающих и горно-обогачительных комбинатов. На самом же деле функционеры РПП были просто сборищем тунеядцев.

Вскоре у дома Управляющего Тау-52 собралась огромная толпа. Люди топтались в нескольких метрах от оцепления *служителей*. Представители РПП, в деловых костюмах с красно-синими повязками на рукавах, уже появились, но пока ограничивались ролью наблюдателей. Они ожидали момента, когда шахтеры, дав волю гневу, перейдут границу дозволенного.

Наконец Управляющий – дородный старик в роскошных переливающихся одеждах пурпурного цвета, – вышел на балкон и недоуменно уставился на толпу. Система голосвязи подхватила его изображение, и над домом повис полупрозрачный великан. Несколько слуг устанавливали за линией оцепления переносное подобие трибуны.

– Вместе с вами я скорблю о погибших, – заговорил Управляющий. – Однако мне непонятно: почему вы покинули рабочие места, почему вышли на улицы? Аварии на шахтах случались и раньше...

Его слова потонули в реве толпы. Дождавшись, пока шум немного стихнет, Управляющий договорил:

– ...Тем не менее, я готов выслушать представителей шахтеров и профсоюза.

Несколько человек попытались пробраться к импровизированной трибуне. Началась давка. Однако *служители* еще контролировали ситуацию и быстро восстановили порядок, пропустив к трибуне несколько человек – по большей части с повязками РПП. Некоторое время «избранники народа» весьма яростно выясняли, кому первому говорить с Управляющим. Наконец, на импровизированную трибуну влез толстячок в грязном комбинезоне. Его изображение тут же появилось над крышей дома рядом с изображением Управляющего.казалось, в воздухе, чудом не задевая друг друга, повисли два рекламных аэростата.

– Я – Рим Фалор, наладчик шахтового оборудования, – загремел над площадью голос толстячка. – Многие меня знают...

Но дружные возгласы одобрения как будто не придали оратору уверенности – скорее наоборот.

– Я... – толстяк запнулся. – Там, в забое, погибли два моих сына...

– Мне очень жаль, что ваши сыновья погибли, – примирительно начал Управляющий. – Но почему...

– Негодяи!.. Дармоеды!.. Долой!.. – понеслось из толпы.

– Но почему, – Управляющий возвысил голос, – вы пришли сюда? Вместо того, чтобы ликвидировать последствия аварии?

– Потому что это не авария! – взорвался толстячок в комбинезоне. – Это диверсия! Инопланетные твари хотят нашей смерти!

– С чего вы взяли...

Рев толпы вновь заглушил слова Управляющего.

* * *

– Похоже, пора продолжать, – улыбнулся Живчик, отойдя от окна чердака.

Драго, который сидел в самом темном углу, только кивнул. Все это время он пристально наблюдал за своим новым товарищем, пытаясь понять, кто же он на самом деле. Архипреступник, для которого жизнь других людей ничего не значит? Политический интриган? Хотя при чем тут политика... А может, посланец уэнов, затеявших какую-то свою неведомую игру?.. Однако Живчик пообещал Драго помочь убраться с планеты. А этот парень, судя по всему, слов на ветер не бросает.

Иногда Драго казалось, что Живчик совсем не тот, за кого себя выдает. Может, это вообще какой-то хитроумный механизм уэнов, созданный специально для того, чтобы посеять смуту и раздор среди людей? Ладно, все это не важно. Кем бы ни был этот Живчик, Драго сделал правильный выбор.

Он был слишком дик, чтобы понять истинную ценность человеческой жизни, а поэтому не чувствовал сострадания. Если ты позволил себя убить – значит, ты слаб или глуп. А эти рабочие... Они сами подставились, забравшись под землю. Драго не вникал в суть устройства общества и был совершенно уверен: если бы шахтеры воровали, вместо того, чтобы добывать *нейтрит*, они бы лучше жили. Правда, он никогда не задавался вопросом о том, что случится, если никто не будет работать, а все станут воровать.

– Давай, – рявкнул Живчик, заметив колебания своего помощника. – Они, того и гляди, договорятся...

Драго соединил два контакта. Земля содрогнулась. Еще три шахты обрушились, унося жизни ни в чем не повинных шахтеров. Толпа на площади взвыла.

– Они нас убьют! Всех убьют! – истошно завопил кто-то, не иначе как стоявший неподалеку от мегафона – крик разнесся на всю площадь, перекрывая прочие вопли.

– Добавь жару! – Живчик кивнул на самодельное устройство – аляповатую коробочку с небольшой выдвижной антенной.

Драго дернул рубильник, и по углам площади прогремели взрывы. Осколки камня шрапнелью брызнули во все стороны. Послышались крики раненых. Большинство собравшихся не пострадало, но люди в панике бросились прямо на оцепление. Изображение толстяка замерцало и погасло, а Управляющий в растерянности застыл на балконе, не зная, что предпринять. Он явно не был готов к подобному повороту событий.

Драго наблюдал за площадью, приоткрыв рот от восхищения. Это было круто! Куда круче, чем ткнуть обрезком трубы по черепу вольнонаемному, возвращавшемуся из кабака! Даже, возможно, круче, чем тайком, за взятку пробраться в бордель, запрещенный для несовершеннолетних, – и стать на целых три часа хозяином и господином немолодой целлюлитной шлюхи...

– Пора сматываться, – негромко прошипел Живчик. Драго, увлеченный зрелищем, неотреагировал, но тут же болезненно получил локтем в бок.

– Уходим! – приказ прозвучал уже гораздо громче.

Драго вскочил на ноги. Очень хотелось поглазеть еще, но приказы Живчика лучше исполнять быстро, не раздумывая, – за последние дни он четко это уяснил. Прежде Драго полагался лишь на самого себя. Он шел по жизни, не задумываясь о будущем, ведомый лишь инстинктами, которым, похоже, тоже перепало радиации. Теперь он словно очнулся от летаргического сна. Понемногу приходило понимание. Надо жить иначе... И он доверился Живчику, который, похоже, вел его напрямик в новую, удивительную и прекрасную жизнь, к иным мирам.

Хотя что он знал о других мирах? Правительство Тау не слишком жаждало, чтобы граждане знали о жизни людей на других планетах. Новоприбывшие преступники быстро забывали прошлое. У людей короткая память, а тяжелый труд и лишения стирают ее, как ветер и дождь стирают слова, выбитые на камнях. Их рассказы казались родившимся на планете поселенцам сказками о неведомом, недостижимом рае, которые приятно слушать, но верить которым глупо...

Едва поспевав за Живчиком, Драго нырнул в люк. В спину ударила взрывная волна: микроволновый передатчик, с помощью которого активировались заранее заложенные бомбы, разлетелся на мелкие кусочки. «Нельзя оставлять улики, – учил Живчик, когда Драго помогал ему перетаскивать и устанавливать заряды. – Одна улика – и самый лучший план провалится. А до конца жизни орудовать киркой в радиоактивной жиже в мои намерения не входит»...

Заговорщики скатились по лестнице. Даже если кто-то из жильцов дома и видел их, то вряд ли запомнил. И уж тем более никто не подумает, что эта странная парочка имеет отношение к взрывам на площади.

У входной двери Живчик притормозил:

– Теперь нужно как можно скорее выбираться из города и затеряться в песках, – зашептал он, подтянув к себе Драго. – Каратели появятся со стороны Тау-48. Если поспешим, сумеем незаметно подобраться к шлюпкам. А пока они разберутся, что к чему... Этих обормотов учили сначала стрелять, а потом думать.

В городе царил хаос. Пару раз Драго и его спутник натыкались на шахтеров: вооружившись чем попало, восставшие яростно громили административные здания... Мародеры грабили магазины, владельцы которых не могли оказать должного сопротивления. Со стороны центральной площади то и дело доносился треск автоматов. Похоже, Управляющий решил, что дешево свою резиденцию не отдаст.

На одном из перекрестков произошло настоящее побоище. Группа *служителей* попыталась остановить мародеров и привлекла внимание разъяренной толпы. В пыли валялись несколько окровавленных трупов, а некоторые были буквально растерзаны. Осторожно переступая через куски плоти, еще недавно бывшие чьими-то руками и ногами, Драго не думал о том, что именно он и его товарищ запустили ужасную машину смерти, которая с равной легкостью забирала жизни виноватых и безвинных. Однако он был виноват в этой бойне не меньше своего сообщника. У Живчика, при всей его железной воле и изворотливом уме, просто не хватило бы сил в одиночку провернуть подобную операцию. Незаметно, на руках спустить динамит в воздухозаборники шахт – это мог сделать только здоровяк Драго.

Вскоре беглецы добрались до окраины поселка.

Не сводя глаз с компаса, болтавшегося на тощей руке, Живчик уверенно шагал вперед. Впереди лежала пустыня. Драго помедлил, но делать было нечего.

Неожиданно у него неприятно засосало под ложечкой. Он отчетливо осознал, что навсегда покидает привычный, пусть и не слишком дружелюбный мирок. Да, этот мирок был не слишком добр к нему, Драго Шиляку. Да, в этом мирке его в скором времени ждала смерть. Но это его дом, его родина...

Однако отступать было поздно. Опустив голову и глубоко вздохнув, Драго побрел за Живчиком.

Когда поселок превратился в черную линию – словно кто-то небрежно мазнул углем по линии горизонта, – а трубы заводов стали напоминать тонкие палочки, подпирающие тучу серого смога, Живчик повернул на запад, обходя город по широкой дуге.

* * *

Через пять часов Драго не выдержал.

– Может, отдохнем?

Он считал себя достаточно выносливым, но эта пятичасовая прогулка вымотала его. Ни одному из знакомых ему шахтеров не выдержать такой переход. Драго еще держался на ногах, но силы были на исходе. А как его проводник? Тот был по-прежнему свеж и бодр, словно только что выспался. Живчик он и есть Живчик.

– погоди, приятель. Вот перевалим через те дюны...

Драго снова начало казаться, что Живчик – вовсе не человек. Он машина. Злая машина. Машина, которая решила погубить зачем-то глупых шахтеров, а заодно и его, Драго. Хотя кому он нужен? По крайней мере, на Тау-52 таких нет.

Живчик был неумолим.

– Идем, парень... Идем... Осталось совсем чуть-чуть... Держись... Неужели ты думаешь, что они никогда не узнают, кто заварил кашу?.. Давай. Вот она, дюна – всего ничего осталось...

Но они перебирались через дюну, и впереди вырастала новая, а потом еще одна и еще... Казалось, этим песчаным горбам не будет конца.

Неожиданно ноги Драго подкосились, и он упал.

– погоди... Я больше не могу.

Живчик обернулся. Какое-то время его глазки внимательно разглядывали парня, словно пытались оценить ситуацию: сможет ли подняться умаявшийся здоровяк, или проще пристрелить его, как загнанную лошадь.

– Ты должен идти. Иначе придется тебя бросить. Как думаешь, кто первым до тебя доберется? Крокогрифы... – он запрокинул свою голову-тыкву и некоторое время наблюдал за полетом двух зубастых рептилий – кружили они так высоко, что казались бесформенными пятнышками, – ...или легавые?

Драго молчал. И не шевелился.

– Ладно. Оставайся. Выясняй это в одиночку.

– Нет... – Драго облизнул пересохшие губы и попытался подняться. Его попытка увенчалась успехом. Относительным – кое-как поднялся и побрел, пошатываясь.

– Держись. Осталось совсем чуть-чуть.

– Ты мне... сто раз... говорил...

– Что поделать, не я команду вооруженными силами Альянса... Пришлось сделать солидный круг. Мы вышли из города, зашли им в тыл... Но кто же знал, что они высадутся чуть ли не на границе поселка? Еще пару километров, и мы вернемся, откуда пришли, только с противоположной стороны.

Драго молчал. Он пристально смотрел на Живчика. Подозрение, которое родилось у него еще тогда, когда это странное создание впервые изложило свой план, крепло с каждой секундой. Живчик не мог быть человеком. Не мог, и все. И дело тут не только во внешности...

Кажется, Живчик заметил нехороший блеск в глазах Драго.

Он сунул руку за пазуху и выудил из недр своего балахона опасную бритву. Взмах руки – и бритва раскрылась. Солнечные лучи заиграли на полированном лезвии. Драго видел много бритв. Его отец пользовался бритвой, да и у самого Драго под грудой гнилых одеял хранилась

такая штукавина. Но бритва Живчика... Она была огромна, словно мачете. Блеск ее режущей кромки завораживал.

– Ты должен идти, мой мальчик, – словно не замечая, как потрясен Драго, продолжал Живчик. – Пойми, я не могу оставить тебя вот так – одного посреди пустыни. Я должен...

Неожиданно у Драго поплыло перед глазами. Лишь невероятным усилием он удержался на ногах. Теперь голос Живчика звучал как-то странно: он то становился нестерпимо громким, то смолкал, превращаясь в шепот.

И бритва. Мир исчез, осталась лишь бритва – тонкая полоска сверкающего металла. Исчез даже Живчик – бритва сама по себе висела в воздухе. Это продолжалось лишь миг. С трудом отведя взгляд, Драго помотал головой, отгоняя наваждение.

И тут...

Похоже, Живчик и в самом деле был человеком непростым. Если, конечно, вообще был человеком...

Драго почувствовал, как возвращаются силы. Он еще раз мотнул головой, пошатнулся и зашагал туда, куда указывал Живчик.

– Ну, так-то лучше, – улыбнулся Тыквоголовый. – Думаю, за этой дюной нам повезет.

Им и в самом деле повезло...

Посреди склона дюны застыла дюжина десантных шлюпок – приземистые машины уэнов, больше всего напоминающие толстых навозных жуков. Справа, возле самой дальней машины, под желтым маскировочным тентом томилась пара часовых. Больше никого видно не было.

Неожиданно где-то далеко впереди – судя по всему, там, где находился поселок, – что-то громко ухнуло. На горизонте вырос столб дыма, похожий на указывающий в небо черный палец.

– Видишь? – улыбнулся Живчик, если, конечно, эту гримасу можно было назвать улыбкой. – Что я говорил? Эти придурки оставили транспорт и пешком отправились проводить воспитательную работу среди твоих друзей.

Драго скривился.

– Они мне не друзья.

Живчик сделал вид, что не расслышал.

– Теперь надо убрать часовых...

– Зачем?

– Ты хочешь, чтобы тебя сбили где-нибудь над пустыней?

Драго лишь отрицательно покачал головой.

– Нет, конечно.

– Тогда держи.

Живчик вновь запустил руку за пазуху и вытащил револьвер. Ох, ни хрена себе! Настоящий древний ствол – совсем как у ковбоев в исторических стереовестернах!

– В барабане семь зарядов, – объяснил Живчик. – Часовых двое, вооружены только силовыми клинками. Иди и убей их. Стреляй в голову.

Драго, уже потянувшись за оружием, отдернул руку.

– Почему я?

– Потому что ты не сможешь подготовить машину к взлету. Пока ты будешь развлекаться, я сделаю все остальное. И чем быстрее мы уберемся отсюда, тем лучше.

– Но...

– Или ты считаешь, что я могу бросить тебя? – Живчик вновь улыбнулся. – Зачем мне это нужно? Если бы я хотел отделаться от тебя, то оставил бы тебя в пустыне. Бери и иди. Ты справишься...

Драго нерешительно протянул руку и взял у Живчика револьвер.

Что-то тут неладно. Вот только что?

Драго не отличался острым умом и, что называется, не видел дальше своего носа. Если разобраться, Живчик прав. Если бы он хотел отделаться от Драго...

– Лады, – буркнул он. – Я их сделаю...

И, обреченно сжав револьвер, зашагал туда, где сидели часовые.

– Вот и славно, – отозвался Живчик и крикнул вслед парню: – Да, предохранителя тут нет, – навел, и жми!

Но Драго не слышал. Ему предстоит убить тех, кого он ненавидел больше всего на свете... Тех, кто удерживал его на этой поганой вонючей планете... Тех, кто не давал ему жить, как живут нормальные люди – в чистом, уютном мире, где бродят слабые и глупые лохи, набитые деньгами...

Нет, он не станет стрелять. Так слишком просто. Драго спрятал револьвер и выдернул из-за голенища тонкий стилет привычным ловким движением, – ему, с его грабками, даже не приходилось для этого нагибаться... Слово «стилет» он не знал, и называл свое оружие проще: заточка. Но пользовался им умело... Вот и сейчас держал так, чтобы пустить в ход в любой момент, и чтобы рукав скрывал клинок от солдат.

Живчик ошибся, часовых оказалось не двое, – трое. И они наверняка считали себя хозяевами положения, способными за несколько секунд напластать аккуратными ломтями подошедшего оборванца.

– Стоять! – рявкнул один из них. – Кто такой? Доставай именной жетон!

Наверное, часовой действовал в точности по уставу, – потребовал документы на расстоянии, слишком большом для удара рукой, но не препятствующем пустить в ход силовой клинок. Однако те, кто сочинял устав, никогда не видели ручищу Драго...

Она распрямилась стремительно, как туго сжатая пружина. Стиллет ударил точно в сонную артерию часового. Похоже, бедняга так и не понял, что произошло, – повалился ничком на песок, заскреб ногами в растущей луже крови. Не медля ни секунды, Драго метнул стилет во второго солдата, и тот рухнул рядом, – слепо шарил по груди, пытаясь нащупать, вытащить заточку. Вряд ли бы ему это удалось: стилет вошел ему в грудь по самую рукоятку.

Третий часовой успел выхватить свой силовой клинок, но Драго был быстр, как песчаный вихрь. Его волосатая лапа стиснула руку, сжавшую смертоносное оружие, и одним рывком разорвала связки плечевого сустава. Часовой взвыл, выронил клинок и попятился, покалеченная рука болталась взад-вперед, словно какой-то нелепый маятник. В следующий миг страшный удар в челюсть подбросил часового в воздух. Перелетев через ограждение из маскировочной сетки, солдат покотился по склону дюны, несколько раз перекувырнулся через голову и замер. Казалось, он хотел зарыться в песок, но потом вдруг передумал.

Драго зло ухмыльнулся. Нагнувшись, он поднял силовой клинок, который уронил противник, секунду разглядывал мерцающее лезвие, сотканное из энергетических полей... а потом резко развернулся и обрушил его на шею первому противнику. В этом не было особого смысла: часовой уже не дышал.

Несколько минут ушло на то, чтобы определить, какую шлюпку выбрал его спутник. Громко топая, Драго поднялся по металлическому пандусу-трапу и остановился за спиной Живчика. Тот вскрыл один из блоков гальваноразвязки и тщетно пытался соединить какие-то провода.

– Иди и убей! – не оборачиваясь, бросил Живчик. – Они в любой момент могут явиться. Иди... и выполняй...

Но Драго не пошевелился. Лишь улыбка, похожая на ухмылку полоумного, стала еще шире.

– Я что сказал?

Живчик прервал свое занятие и повернулся к Драго. Тогда парень швырнул к ногам своего компаньона связку из трех мячей.

Только это были не мячи.

– Вот они, – усмехнулся Драго и вытащил из-за пояса силовой клинок. – Давай заканчивай. И если эта штука не взлетит, с твоей башкой будет то же самое.

Живчик улыбнулся, а потом решительно шагнул вперед.

Рука с силовым клинком поднялась и опустилась. Прозрачное лезвие легко рассекло кожу, плоть... и взвыло, словно бур, наткнувшийся на плотную породу.

Так не бывает! Силовые клинки режут даже сталь... Живчик... Силовой клинок его не берет...

Драго попятился, недоуменно таращась на свое оружие.

– Не понял... – начал он.

И тут Живчик сделал шаг вперед и нанес ему удар. Один-единственный.

Драго покачнулся и кулем рухнул на палубу.

* * *

Сознание возвращалось медленно.

Страшно болела голова. Вот гад... Ну и приложил. Драго перевернулся на бок и разлепил веки. Впереди, возле пульта управления, на котором перемигивались разноцветные огоньки, застыл Живчик. Он склонился над приборной доской и не обращал на пленника никакого внимания.

Пленника?!

Едва пошевелившись, Драго с удивлением обнаружил, что руки и ноги свободны. Еще миг, и он кинулся бы на Живчика, но что-то его остановило.

Этот мерзавец должен был остаться без руки. И вот он стоит, обе руки целы. Мало того: получил силовым клинком, и все равно уложил его, Драго! В кои-то веки... Да, с такими нужна осторожность.

Драго медленно вытянул правую руку, потом левую.

Казалось, Живчик ничего не замечал. Он посматривал в трубки какого-то прибора, записывал что-то в тетрадку. Драго не знал слов «микроскоп» и «окуляры», но сообразил: наукой занимается, засранец... Бросаться на него прямо сейчас не стоит – услышит, и тогда мало не покажется.

Осторожно вытянув руку, Драго убедился: заточка на месте. Прохлопал, Живчик! Мало того, что не связал, так еще и обыскать не догадался. Надеется, что Драго как оклемается, так сразу благодарить побежит? Нет уж, дудки! Медленно и бесшумно, по миллиметру, Драго вытащил заточку. Теперь подобраться чуть поближе...

В дальней переборке открылась дверь, и в кабину вошли еще два Живчика. Они были похожи друг на друга как капли воды. Драго похолодел.

Так вот ты что за штука, Живчик! Робот! Тогда понятно, почему тебе силовой клинок нипочем. И почему харя у тебя как резиновая... Стоп. Ни люди, ни уэны таких делать не умеют. Нет, наверно, умеют, только скрывают...

И тут пришла другая мысль – еще страшнее.

Сколько времени он провалялся в отключке? Похоже, немало: Живчик – *его* Живчик – успел посадить шлюпку и подобрать двух приятелей. Судя по тому, что Драго никогда не слышал о двойниках своего «спасителя», им пришлось полетать...

Но что теперь делать? На борту может быть не три, не четыре живчика, а полный десяток. Ну, положит он эту троицу. А где гарантия, что остальные не прикончат его?

Драго замер. Пальцы с такой силой стиснули заточку, что суставы побелели.

И тут Живчик номер один повернулся в его сторону.

– Хорош дурить, парень. Вставай. Убери нож. Я же сказал: без глупостей... Я обещал, что ты покинешь родную планету? Так и случилось. Так вот, если ты и дальше станешь меня слушать, вместо того, чтобы заниматься самодеятельностью и размахивать ножом, ты сможешь достигнуть вершин, о которых и не мечтал... Понял?

И когда Драго встал, смущенно глядя в пол, Живчик добавил:

– Убери свою зубочистку. Она тебе еще пригодится.

Глава вторая

Штурм не по правилам

*Оружие является важным, но не решающим фактором войны.
Решающий фактор – человек, а не вещь.
Мао Цзэдун*

Ох, ну и шарахнуло! Впрочем, на учениях случалось и похуже...

Арсису показалось, что посадочный модуль прошел по касательной, потом врезался в поверхность планеты и проехал на брюхе с десятков метров, подпрыгивая на неровностях, словно плоский камешек, пущенный по водной глади. Амортизаторы мгновенно скомпенсировали толчки. Замерцал сигнал тревоги, отверстия в скафандре затянуло биогерметиком, и в нос ударил запах перегретого пластика и человеческого пота, – его собственного. На мгновение края «стекла» шлема запотели, но биоконтроллер тут же выровнял уровень влажности. Вспыхнули индикаторы – словно кто-то нарисовал на шлеме широкий красный рот до ушей. Кислород в норме... Вооружение в норме... Герметичность... Системы связи в норме...

Руки сами сжали вакуумную винтовку.

Еще миг – и кресло, в котором сидел Арсис, поехало вперед на магнитной подвеске. С беззвучным хлопком разломились крепежные болты. Борт корабля раскрылся, как перезрелый стручок, и на землю посыпались горошины. Десантники... Тридцать солдат, тридцать машин смерти в уродливых бронированных сервоскафандрах.

В эфире царило полное молчание, но каждый из десантников четко знал, что необходимо делать.

Едва ноги Арсиса коснулись поверхности планеты, десантник присел и гусиным шагом сдвинулся влево, чтобы прикрыть фланг сержанту Батисту. Только оказавшись на позиции, он огляделся. Перед ним лежала холодная равнина Бьенэме-5, накрытая черным колпаком неба – голая, бурая. Ветер гнал метановую поземку. Отсюда Звезда Робеспьера казалась крошечной горошиной, не больше остальных светил. Унылое зрелище.

Однако система не дала расслабиться, пресекла попытку соскользнуть в бездонную пучину меланхолии. Игла впилась в левое предплечье, и по телу жаркой волной прокатился адреналин.

Где-то там, у самого горизонта, находится база – бывший форпост Республики, захваченный уэнами и их союзниками по Альянсу. Где-то там, у горизонта – враг, которого необходимо уничтожить.

С натруженным стоном сервомоторы втянули десантные трапы, и шлюпка, неуклюже раскачиваясь и завывая турбинами, рванула с места. Десантники замерли. Наступал самый опасный и ответственный момент операции. Если разведка ошиблась или пилоты промахнулись, самонаводящиеся системы Альянса нанесут упреждающий удар.

Полминуты... Минута... Все тихо.

Арсис расслабился. Разведка не ошиблась. Десант высадился в «мертвой зоне», которую «не видели» системы обнаружения базы. Когда десантники подберутся к базе, их все равно обнаружат... Но будет уже поздно.

Сержант поднял руку. На тыльной стороне запястья его скафандра вспыхнул маячок сканера. Началась безмолвная переключка. Луч сканера касался информплаты, вмонтированной в пояс десантника, и ненадолго превращался в пульсирующую нить. За эти секунды информация о физическом состоянии десантника и его скафандра с немыслимой скоростью поступала в компьютер сержанта. Еще несколько секунд – и данные проанализированы... Один из индикаторов внутри шлема Арсиса мигнул зеленым: «к операции готов».

Секунды перед боем, когда враг где-то рядом, а ты вынужден ждать, затаившись, словно хищник перед прыжком... Невыносимо. Лучше мчаться по равнине, взметая шлейф метановой пыли, палить во врагов... А вместо этого приходится сидеть на корточках и ждать окончания проверки. Наконец на центральной лицевой панели вспыхнул сигнал. Арсис напрягся. Предварительная готовность... Пошел обратный отсчет...

Семь... Два... Один... Пошли!

Включилась реактивная тяга, и Арсиса подбросило на полметра. Скафандр тут же снизил напор дюз, и десантник завис в десяти сантиметрах от поверхности. Тело само выполняло отработанные движения: через миг Арсис занял свое место в пятерке. Построение напоминало квадрат десять на десять метров: в центре сержант, а по углам – стрелки и силовики. Арсис был вторым стрелком и по уставу должен был находиться в правом дальнем углу, прикрывая правый фланг.

Отряд рванул с места и, набирая скорость, понесся над мертвой равниной, точно комета с широким пылевым хвостом. Слева и справа взметнулись другие пылевые шлейфы. Согласно плану операции, десантники должны были держаться на расстоянии друг от друга.

Пока скафандр действовал сам, не требуя вмешательства человека, Арсис занялся проверкой своего вакуумного ружья. Он словно сам превратился в механизм, забыв, что занимался этим и вчера и позавчера. Биоперчатки не мешали чувствовать гладкость ствола. Щелчок: предохранитель спущен. Шипение: подано давление в систему самонаведения и компенсации отдачи. Второй щелчок: вакуумная граната дослана в подствольный гранатомет... Карабин готов к стрельбе.

И тут справа что-то ухнуло, и в небо взметнулся гигантский столб пыли: уэны заметили десантников и открыли огонь. Мелкие камешки забарабанили по броне скафандра, но Арсис, казалось, не замечал этого. Не снижая скорости, он мчался дальше и дальше. Теперь надежда лишь на быстроту и на броню скафандра...

Неожиданно его пятерка метнулась в сторону, а туда, где они только что находились, ударила ракета. Взрывная волна накатила сзади, подбросила Арсиса, закружила... Взвыли гидрокомпенсаторы давления, включились дюзы стабилизации. Через миг Арсис вновь занял свое место в строю.

– Что парни, тряхнуло? – раздался в наушниках голос сержанта. Обычная хрипотца, отфильтрованная дешифраторами, превратилась в скрип, напоминающий о ступенях старинных лестниц. – Потерь нет?

Он всегда был таким. Говорил и действовал не по уставу. Гневный и требовательный во время бесконечной муштры в подготовительном лагере и просто отец родной во время операций.

«Хотя какие это операции, – с тоской подумал Арсис. – Карательные акции, иначе не скажешь».

Подавление восстания *хлебников*... Захват террористов на Эжене-2... Но теперь... теперь перед ними оказались настоящие враги – нелюди, от которых не стоит ждать пощады.

В воздухе висела пыль, и видимость снизилась почти до нуля. Арсису казалось, что он плывет в густом тумане, петляя среди песчаных великанов, которые то и дело норовят шлепнуть его по плечу. Он даже не заметил, как погиб его «силовик». Просто смутная тень впереди растворилась в песчаном вихре...

– Парни, у нас потери, – проскрипел старшина, и только тогда Арсис толком осознал, что произошло. – Выдвигаюсь на крайнюю правую точку.

Мимо Арсиса промелькнула тень. Теперь сержант стал его «силовиком».

– Позиции врага в пределах видимости. Стрелкам приготовиться. Снизить скорость.

Арсис едва успел переключить режим движения скафандра. «Хлоп!» – отвалился ракетный ранец. Двигаясь по инерции, Арсис плавно приземлился, выставил вперед дуло карабина

и помчался вперед, следом за сержантом. Особого усилия не требовалось: сервомоторы скафандра превращали каждый шаг в гигантский прыжок, заставляя тело двигаться согласно траектории, разработанной компьютером.

Справа что-то мелькнуло. Дернулся карабин, Арсис выстрелил, не глядя, и только потом увидел бетонный надолб, увитый плющом колючей проволоки, точно старинный особняк. В следующую секунду он влетел в туннель, едва не сбив ног сержанта.

– Ты куда? – проскрипел тот. – Не спеши. Тебе что, жить надоело?

– А где?.. – начал было Арсис, но сержант перебил:

– В соседнем туннеле. Приготовь оружие. Готовьсь...

Сержант замер, словно прислушиваясь. Он ожидал приказа или подтверждения, что другие группы десанта уже заняли исходные позиции.

Арсис огляделся. Они оказались в туннеле, стены которого были выложены бетонными плитами. С потолка на проводах свешивались голые лампы. Их желтый неяркий свет казался призрачным, нездоровым... Чертовски неприятное местечко.

– Разверни карту, – приказал сержант. – Здесь настоящий лабиринт. Заблудиться можно.

– А если вёрхом пройти? – предложил Арсис.

– Под шквальным огнем?

Арсис замолчал. Высунув язык, он надавил на сенсор шлема возле правого уголка рта, и щиток затянуло зеленоватой мерцающей паутиной. План подземных коммуникаций базы...

Какое-то время все было неподвижно. Люди словно превратились в каменные статуи. Лишь изредка от разрывов наверху вздрагивал потолок и через щели между бетонными плитами стекали тоненькие струйки песка.

– Похоже, нам повезло, – процедил сержант. – Здорово они нас потрепали.

«А кого убили?» – хотел спросить Арсис, но отбросил эту мысль. Какая разница? Десант – пушечное мясо. Все они это знали. И знали, на что идут.

Прошло еще несколько минут. Неожиданно в дальнем конце коридора мелькнула тень. Может, показалось? Тело отреагировало само. Арсис вскинул карабин и выстрелил не целясь. Звуковые фильтры не помогли, грохот выстрела ударил по барабанным перепонкам, едва не оглушив... А потом впереди раздался странный хлопок, словно от удара о стену лопнул помидор.

– Вперед! – скомандовал сержант, и, выстрелив еще раз, поспешил вглубь подземных катакомб.

Через несколько секунд они оказались на перекрестке трех туннелей. Перед ними на полу лежало тело в скафандре. Явно гуманоид.

Сержант напряженно огляделся по сторонам, нагнулся и перевернул мертвеца. Потом выпрямился и отряхнул перчатки, словно вляпался в какую-то дрянь.

– Тварь какая... Эта гадина была человеком, – пояснил он. – Ненавижу предателей.

Арсис подошел поближе, нагнулся, заглянул в окошечко шлема и в ужасе отшатнулся. О тяжести ранения говорить не приходилось, хотя Арсис не сомневался, что попал. Бедолага умер от отравления, когда его скафандр разгерметизировался, и в легкие хлынул воздух Бьенеме, ядовитая азотистая смесь. Арсис понял это сразу, увидев посиневшее, перекошенное от боли лицо мертвеца, словно оплетенное вздувшимися кровеносными сосудами. Десантника передернуло.

«Интересно, каково это – служить уэнам?»

И тут же вспомнился инструктор в подготовительном лагере. Инструктор – важный тип из высших офицеров, из благородных граждан. Огромный нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза, седые усы. «Уэны не так уж от нас и отличаются. Они – гуманоидная раса...» Что же еще он там говорил? Все из головы вылетело... Арсис тогда только вернулся с увольнительной в Прованс-Нуво. Ах, какие там были девочки, а вино! Настоящее темное бордо!.. А тут какие-

то узны... Да, флот воюет с ними уже несколько лет, но ведь Арсис – десантник, а рукопашные столкновения с пришельцами не планировались. Знать бы, как все обернется....

– Пошли, нечего трупами любоваться, – заскрипел сержант. – Чего доброго некрофилом станешь.

Арсис согласно кивнул и следом за сержантом нырнул в другой коридор.

– Надо поторапливаться... – начал было Батист.

И тут на них со всех сторон обрушился грохот. Вакуумные пули с грохотом крошили бетон. Другие, от ricochetив от стен, летели дальше, завывая, словно баныши.

Арсис вскинул карабин и открыл огонь. С потолка лились... нет, не ручьи... водопады пыли, песка... или что тут у них вместо грунта?

– Марш! – взревел сержант.

Они неслись по коридору, оголтело паля во все стороны. Неожиданно сержант исчез. Арсис опустил голову и увидел, как его командир схватился с кем-то врукопашную. Судя по всему, скафандр противника тоже был снабжен могучими сервомоторами, потому что ни один из противников никак не мог взять верх.

Арсис уже собирался вмешаться, когда из коридора прямо на него вылетели двое в ядовито-желтых скафандрах. Руки отработанным движением, как на учениях, вскинули карабин, и тот заходил, задрожал под пальцами. Словно со стороны, десантник видел, как желтые фигуры, прошитые чуть пониже груди очередью вакуумных пуль, сложились пополам. И только теперь понял, что противники были безоружны. Память пленкой отмоталась назад... Они бежали из коридора, вытянув вперед пустые руки...

Поднялся с пола сержант, вытирая о штанину скафандра широкий десантный нож. Все. Надо пробираться внутрь.

Арсис шагнул в сторону и, тяжело дыша, привалился к стене. Если разобраться, он не участвовал в схватке. Просто надавил на спуск. Однако его одолевало неодолимое желание – вымыть руки. Особенно указательный палец, который давил на спусковой крючок. Он даже не заметил, как иглы скафандра вновь вонзились в его плоть, накачивая тело гормонами. Напряжение схлынуло, адреналин снова кружил голову.

– Вперед, десантник, мы почти у цели, – сержант осторожно взял Арсиса за плечо и встряхнул его. – *Вперед, гражданин, вы нужны своему Корсиканцу!*

Десантник пытался сосредоточиться. Он еще пытался сориентироваться, а руки уже перезаряжали карабин – казалось, они живут собственной жизнью.

– Вперед! Вперед! – голос сержанта ревел в динамиках, но сам командир давно подобрал карабин и был уже где-то далеко впереди.

Развернувшись, Арсис помчался следом. Их шаги эхом разносились по бетонным коридорам, и казалось, что бегут не двое, а целая армия вооруженных до зубов громил. Совершенно одинаковые коридоры... Карта на внутреннем экране не помогала: через несколько секунд Арсис понял, что запутался. Но сержант уверенно бежал вперед, и десантнику оставалось лишь следовать за ним. Будем надеяться, командир знает, что делает...

Неожиданно они остановились у закрытой стальной двери. Рядом расположились Лоран и Теофиль – стрелки другой пятерки. Между ними на полу валялось тело в желтом скафандре.

– Это что?

– Сдался в плен, придурок.

– И?..

– Остальные закрылись внутри. Перекрыли этот вход на Базу.

– А этот гад нам помочь не сможет?

– Я не понял, что он там лопочет, – сказал Лоран. – Но, судя по всему, у них там внутри возникли некоторые разногласия...

Сержант понимающе кивнул.

– У вас есть заряды, чтобычить эту дверь?

– Не выражайтесь, гражданин! – голос Батиста превратился в омерзительный скрежет – точно ножом по стеклу. – Или вы забыли «Билль о выражениях»?

Лоран шагнул вперед и схватил сержанта за грудки.

– Слушай, ты, ревнитель закона! Мы тут не на Базе. Хорошо, договорились? На этой траханой в зад равнине почти всех наших положили! Присоединиться не желаешь? Давай заряды, если они есть! Снесем у дьяволу эту дверь и надерем жопу поганым уэнам!

– Уэны уэнами... гражданин, – начал сержант, и Арсис по тону его понял, что ничего хорошего теперь не будет. – Но вы обязаны соблюдать законы своей страны, где бы вы не находились. Даже здесь. Консул-Президент достаточно определенно высказался по поводу нецензурной брани. Поэтому вы перестанете выражаться. В противном случае... Чем вы лучше этой твари?

Он с силой пнул лежащего пленного.

– Вам следовало прикончить эту тварь. Вы же знаете приказ: никаких пленных.

Дело принимало нешуточный оборот. Арсис попятился. В глубине души он был согласен с Лораном, но... Закон есть закон, а устав – тот же закон. Следовательно... Да ничего из этого не следовало.

– Да вы что, свихнулись? Потом разберетесь, кто здесь...

Неожиданно сержант вытянул руку, призывая к молчанию.

– Передают по командному каналу, – зловещий скрип в его голосе исчез. – Там пятнадцать наших. Те, что заходили с востока. Залегли под шквальным огнем.

– И?..

Сержант повернулся к Арсису.

– Сможешь добраться до орудий? Я видел выход наверх. Судя по карте, это за периметром огневого рубежа.

Арсис, еще толком не понимая, что от него хотят, машинально кивнул.

– Тогда даю вводную.

Передачик пронзительно забибикал, и Арсис уменьшил звук внутренних динамиков.

– Выберешься наверх. Подберешься сзади. Вырубишь орудия.

Арсис кивнул.

– Заряды?

Сержант протянул ему пакет пластичной взрывчатки.

– Давай быстро. Одна нога здесь – другая там. Я тем временем попробую вызвать подкрепление. Одной десантной группой эту базу не взять. Если вырубишь орудия, подкрепление свалится прямо нам на голову... Пшел!

Арсиса не стоило просить дважды. Подхватив взрывчатку и карабин, он отправился назад по коридору, высматривая лестницу, которая могла вывести его наружу. Теофиль направился было за ним, но оклик сержанта остановил его.

– Сис все сам сделает... А вот ты, боец, скажи-ка мне...

Арсис так никогда и не узнал, что должен был сказать сержанту Теофиль. Впереди неожиданно показалась лестница – вернее, вертикальный металлический трап, ведущий куда-то наверх. Не раздумывая, десантник полез по ней, стараясь не зацепиться складчатыми локтями скафандра за выступы в стенах неровной, постепенно сужающейся шахты.

Люк как будто возник ниоткуда, прямо над головой. Покрепче упершись, Арсис поднял обе руки, уперся в круглую крышку. Надрывно взревели сервомоторы. На миг десантнику показалось, что перекаладина, на которой он стоит, начала выгибаться... Но тут послышался недовольный металлический скрежет. Еще усилие... Массивный металлический круг медленно, словно нехотя, начал подниматься, а потом с тяжелым грохотом откинулся.

В тот же миг на Арсиса обрушилась разбушевавшаяся стихия. Боец застыл, сжавшись на верней ступени лестницы. Но тут, словно не дожидаясь приказа, заработали сервомоторы скаффандра. Казалось, машине не терпится вступить в бой. Пара шагов – и вихрь, образовавшийся над люком, остался позади. Сержант был прав: Арсис оказался точно позади линии передовой обороны врага.

Щелк!..

Вновь вернулось странное ощущение: Арсису казалось, что он не на далеком Бьенэме, а в тренировочном лагере. Невидимый инструктор чеканным голосом командовал в голове. Опуститься на правое колено! Локти расставить параллельно земле! Вон они впереди – враги, наполовину скрытые метановой поземкой, точно мишени на стрельбище. Арсис поймал первую фигурку в перекрестье прицела. Палец с легкостью вдавил спусковой крючок.

Бах!

Новая цель.

Бах!

Новая цель...

Там, внизу, в коридорах он застрелил безоружных *людей*. Здесь были *враги* – безликие, безымянные, бездушные фигурки.

Бах! Бах! Бах!..

И вдруг Арсис осознал, что больше никого не осталось. Враги, что засели в укрытии, ожидая десантников Республики – предатели, прихвостни уэнов, были мертвы. Остались только автоматические орудия.

Кубарем катившись по склону холма, Арсис поднялся на ноги помчался вдоль укрытия., устанавливая над каждым автоматическим орудием вакуумную мину. В этот миг он чувствовал себя почти богом. Вот она, победа. Сейчас все это рванет, и отряды Республики хлынут из десантных судов, заполонят базу, вытеснят с нее этих недоумков в желтых скаффандрах.

Установив последний заряд, Арсис бросился обратно, вверх по склону. Он сделал свое дело, теперь нужно как можно скорее присоединиться к передовому отряду. Вновь оказаться рядом со своим непобедимым сержантом.

Внезапно прямо у ног взвились пылевые фонтанчики. Кто-то из врагов был еще жив и открыл по Арсису прицельный огонь. Плевать! Приказ выполнен!

Он почти скатился вниз по лестнице, во мрак подземного лабиринта. Палец сам придавил кнопку активации зарядов.

Рвануло хорошо. Бетонный пол ушел из-под ног. Казалось, гигантская нога со всей силы пнула холм, желая снести его, точно кротовину. Арсис как раз пытался выдавить из себя что-то вроде: «Гражданин, ваше задание выполнено», но так и не успел. Взрывная волна оторвала его от спасительной лестницы, шарахнула о стенку и швырнула на пол туннеля. Миг – и боевой скаффандр превратился в грудку стонущего металла.

Арсис что есть сил навалился на рычаги управления. Со стороны он, наверно, напоминал змею: его язык вылетал изо рта, «жаля» индикаторы. Любой ценой восстановить контроль над сервомеханизмами...

Наконец, ему удалось подняться. Часть сервомоторов вышла из строя. Арсис представил, как выглядит сейчас: точно шатающийся, обгоревший инвалид, чудом выбравшийся из горящего дома... Он медленно распрямился. Ничего... Все это ерунда – главное, герметичность не нарушена. И...

Карабин.

Где карабин?

Страх накатил ледяной волной. Арсис лишь вздрогнул, когда сотни игл вонзились ему в руку: уцелевшая «аптечка» подавала в организм необходимые препараты.

Похоже, в какой-то момент он выпустил карабин из рук... Стыд и позор – потерять оружие во время боя!.. Ничего, его карабин свое дело сделал. На мгновение перед мысленным взором Арсиса встала картина: он сам с карабином на вершине холма; внизу, спиной к нему – рабы уэнов. Если бы это были противники, он не посмел бы стрелять им в спину. Но это были предатели, те, кто предал человечество ради... Что там говорили на инструктаже?...

Правая рука машинально скользнула вдоль туловища. Пальцы стиснули рукоятку револьвера. Рано радуетесь, сволочи... Думаете голыми руками сцапать? Не выйдет...

Неожиданно пол снова ушел из-под ног. Взрывная волна ударила в лицо, опрокинув на спину. В первый момент Арсис не сообразил, что произошло, и лишь потом понял: сержант взорвал дверь – вход в шлюз базы. Подготовка закончилась, штурм начался, и его место – рядом с командиром.

Подтянувшись, как учили в тренировочном лагере, Арсис вернул свой скафандр в вертикальное положение. Как хорошо, что он не успел высвободить револьвер из магнитных захватов! Резиновые накладки рукояти привычно легли в ладонь. А теперь – вперед!

Да, он был совершенно прав. Двери, закрывающей дорогу внутрь базы, на месте не оказалось. Вместо нее в стене зияла огромная неровная дыра. И никаких трупов рядом. Значит, два десантника и его сержант вместе с пленным уже внутри. Стоит поторопиться.

Покрепче сжав в руке револьвер и пошатываясь, Арсис поплелся по туннелю, то и дело приваливаясь плечом к бетонным плитам. За ним вдоль стены по серому бетону протянулся бурый след. Только это была не кровь. Это истекал маслом его скафандр, внешняя оболочка которого была пробита в нескольких местах... Арсиса передернуло. Еще чуть-чуть – и сервомоторы скафандра заглохнут, вся эта махина застынет.

«Вот тогда берите меня тепленьким»...

Нет уж, не дожидетесь... Ткнув кончиком языка кнопку, он включил сигнал к атаке. По барабанным перепонкам ударил привычный ритм Марсельезы, и тело выгнулось, напряглось, словно наливаясь новой жизнью.

– За Республику, за Корсиканца, – пробормотал он пересохшими губами и шагнул в проем выбитой двери.

В шлюзовом модуле никого не было. Похоже, это не главный шлюз базы... а какой тогда главный? Кроме трех одноместных шлюзов, никакого другого входа не видно... Каким образом сержант и десантники вместе с пленным перебрались на другую сторону? Арсис попытался ответить на этот вопрос, но понял, что просто не в состоянии сейчас об этом думать. Втиснувшись в открытый шлюз, он переключил соответствующий ручки. Дверь за спиной закрылась с тихим шипением. Словно змеящерица, затаившаяся в траве и готовая в любой момент ужалить... «Нет тут никаких змеящериц, – одернул себя Арсис. – Никаких нет ползучих гадов, кроме уэнов!»

Первое, что он увидел, когда открылся внутренний люк, оказалось неподвижным телом. Гуманоид... Раньше он видел уэнов только на картинках, и вот теперь...

Гуманоид был мертв. И не просто мертв, – его распяли на стене, прямо напротив шлюзов. Руки его, сильно напоминающие человеческие, пробиты в запястьях монтажными скобами, намертво прикрепившими их к стене. Ноги скрещены, обе ступни пригвоздила к шершавому бетону еще одна скоба. Лысая голова с огромным носом, больше напоминавшим птичий клюв, завалилась набок и увенчана венком из колючей проволоки. И кровь... Потеки ее сползали по стене, собирались в лужу на бетонном полу.

Арсис никогда не считал себя человеком религиозным. Религия слабо касалась его... именно касалась, как касается в толпе случайный прохожий. Он принес клятву Папе Ново-Парижскому, когда поступал на службу. Каждый раз перед приемом пищи в подготовительном лагере все служащие под руководством армейского капеллана читали «Отче наш». Арсис

регулярно исповедовался, соблюдал посты. Никогда не имел дело с немногочисленными сектантами, исповедовавшими культ Разума.

Но что касается веры... С этим сложнее...

Однако увидев богосквернящую пародию на распятие, Арсис почувствовал, как откуда-то изнутри волной поднимается неудержимая ярость. Кто бы это ни сотворил, он ответит за кошунство. Уэны уэнами, война войной, но безнаказанно глумиться над одним из столпов культуры Республики никому не позволено...

«Только попадись мне, гад!» – думал Арсис, решительно направляясь к сердцу базы.

Несколько раз он пытался вызвать сержанта, но слышал лишь треск помех. Не страшно. Его заранее предупреждали, что внутри базы связь не действует, – стены полностью экранировали все сигналы.

«Интересно, зачем вообще была создана эта база?»

Мысль кольнула, точно иголочка, и осталась сидеть занозой.

Конечно, старшим гражданам виднее... И все же? Зачем было создавать такую крепость на окраине системы Республики? Для защиты от уэнов? Нет, судя по древним бетонным плитам и расходящимся швам, база была создана задолго до появления гуманоидов. Зачем?

Арсис поймал себя на том, что остановился. Хватит рассуждать. Кто он такой, чтобы задумываться о таких вещах? Маленький винтик в машине революции. Он должен четко знать свое место, выполнять поставленные перед ним задачи, а размышлять, зачем и почему, ему не положено. Он солдат. Он присягнул на верность Корсиканцу.

Металлическая стена, к которой привалился десантник, напоминала сетчатую решетку. Под сеткой бесконечно длинными змеями извивались трубы. Система жизнеобеспечения... Марсельеза снова загремела в ушах, не давая сосредоточиться. Да и о чем сейчас думать? Нужно идти вперед и убить врага. И все!

Распрямляясь, Арсис услышал неприятный щелчок. Окончательно вышли из строя сервомеханизмы левой руки, и она повисла, как плеть. Десантник попытался согнуть руку, но она замерла, словно окаменела. Сервомоторы сдохли, будь они неладны...

Ладно, все ерунда. Вперед! Вперед!

Ненависть, взращенная на агитационных роликах о зверствах уэнов, снова подняла голову. Пальцы правой руки конвульсивно сжали пистолет. Стоит ему обронить оружие – и уже не найдется сил, чтобы нагнуться и подобрать его с каменного пола...

Шаг, еще шаг вперед.

Охнули пневмоприводы, раздвинулись двери, и Арсис оказался в просторном зале. Вот он – центр управления, сердце базы. Одного беглого взгляда хватило, чтобы сориентироваться. С десятков обожженных обезображенных трупов, два пленника у дальней стены и живописная группа посредине. Сержант сидел на ком-то верхом, в то время как другой противник, судя по всему человек, с непропорционально большой головой, накинув молекулярную петлю, пытался задушить десантника.

Арсис выстрелил, но, судя по всему, не попал. Хотя... как можно было не попасть! Тем не менее, тыквоголовый все сильнее и сильнее сжимал нить на горле сержанта. Та уже давно прорезала броню скафандра и, похоже, сдавила внутренний защитный воротник. Арсис видел, как налилось кровью лицо командира, как выпучились глаза, вылезая из орбит.

В два прыжка он оказался рядом и взмахнул «парализованной» рукой. Череп тыквоголового не выдержал и лопнул, словно перегнивший фрукт. Кровь и мозг забрызгали лицевой щиток, на миг ослепив Арсиса. Сержант повалился ничком, – молекулярная нить на горле управляла им, точно марионеткой. Второй противник, почувствовав это движение, рванулся, и падение превратилось в кувырок. Раздался грохот: закованное в бронескафандр тело врезалось в основание ближайшего компьютерного стола и замерло на полу неподвижной грудой. Тыквоголовый, точная копия убитого, начал подниматься с пола.

Арсис различал лишь туманные силуэты. Однако инстинкты – а может, некое шестое чувство, выработанное долгими тренировками, не подвело. Рука сама вскинула револьвер и нажала на спуск.

Бах!..Отдача. Поворот барабана... Бах!

Три пули припечатали тыквоголового к полу, а ствол уже разворачивался в сторону пленных, которые неподвижно сжались у стены. Спроси кто-нибудь Арсиса, он никогда бы не сознался, каких усилий ему стоило остановить собственный указательный палец, лежащий на спусковом крючке. Не довести до конца крошечное поступательное движение, рождающее восхитительное чувство всесильности. Бах! – и враг повержен. Бах! – и его мозги разбрызганы по стене, а лицо из маски ужаса превращается в кровавое месиво...

Но Арсис так и не нажал на спуск. Большой палец скользнул по холодной вороненой стали. Щелк! – стал на место предохранитель, и десантник почти с облегчением опустил руку...

А потом он понял, что впервые прикончил кого-то, что называется, голыми руками...

Нет, он убивал и раньше, но стрелять – это совсем другое дело... Не выпуская револьвера, Арсис вытер измазанный щиток и с отвращением взглянул на свою неподвижную руку. В мягкую, почерневшую от крови пенорезину впился тонкий белый обломок кости. Десантнику большого труда стоило сдерживать рвотные порывы. Одно дело – видеть смерть, пусть даже и вблизи, и совсем другое – *вляпаться* в Смерть... по самое некуда.

За спиной раздвинулись двери шлюза.

– Марат и победа! Не стрелять... Марат и победа!

– Бастилия и Лувр...

«Свои... Подкрепление...»

Неуклюжим движением Арсис сунул револьвер в кобуру, а потом, подцепив пальцами «живой» руки крепления шлема, одним движением содрал его и почти уронил на залитый кровью пол.

Легкие тут же наполнились воздухом, пропитанным запахами крови, горелой изоляции... и чего-то еще. Как будто на горячую сковородку бросили горсть каких-то неведомых пряностей... Только теперь Арсис осознал, каким вонючим, приторно пресным был воздух в скафандре.

«Вдохнул бы еще пару раз – и мне крышка», – подумал десантник и тут же устыдился. Чужь какая!

Он медленно повернулся и посмотрел на новоприбывших. Ребята из второго взвода – десять человек, два звена.

«Неужели из наших никого не осталось?»

Словно услышав его мысли, один из десантников проговорил:

– Ваши люди уже в эвакуаторе, сержант. Нам тоже приказали убираться, как только найдем вас. Сейчас на краю укрепрайона высаживаются гвардейцы. Скоро будут тут... Велено ничего не трогать. Придут – будут сами разбираться.

– Мы такого приказа не получали, – раздался голос сержанта Батиста. Вот молодчина! Пока Арсис хлопал ушами, сержант уже пришел в себя и теперь сидел на полу, растирая шею.

– Они меня едва не прикончили, – продолжал он, кивнув в сторону тыквоголовых. – и мне очень хотелось бы знать, что это за гады и что тут вообще происходит.

– Ну да, грязная работа – нам, а слава – гвардейцам? – пробормотал Арсис. Сейчас, убрав револьвер в кобуру, он тщетно пытался ощупать работающей рукой «раненую», чтобы выявить причину отказа сервомоторов.

– На то они и гвардейцы, – примирительно отозвался сержант второго взвода. – Старые ворчуны Корсиканца. И вы сами прекрасно знаете, что спорить с ними не стоит.

– Но их пока тут нет, – улыбнулся Батист, поднимаясь с пола.

Арсис напрягся. Когда в голосе сержанта появлялись вкрадчиво-ласковые, чуть насмешливые нотки, с ним лучше не спорить. Если, конечно, не хочешь крупных неприятностей...

– Рядовой Арсис!

Арсис попытался встать по стойке смирно, но поврежденная «рука» скафандра не слушалась.

– Вольно, – бросил сержант. – Объявляю вам благодарность за спасение своего командира... А теперь, пока гвардейцы не добрались сюда, порасспросим-ка этих парней.

И он повернулся к пленникам.

– Но... у меня приказ... – начал было сержант второго взвода.

– А у меня нет, – возразил Батист. – И если вас что-то смущает, можете выйти из зала и подождать гвардейцев снаружи. А я пока узнаю, из-за чего погибли мои солдаты.

Арсис удивленно поднял брови, но вспомнил про Лорана и Теофиля. Где они? Когда сержант отправил его наверх, они были вместе... Ладно, сейчас не лучшее время для расспросов. Подождем – сержант все сам расскажет.

– Итак, – повернулся сержант к пленным, и в его руке сверкнул широкий десантный нож. – С кого начнем?..

Пленных было двое. Один – человек в желтом скафандре. И лицо тоже желтое, изможденное, кровоточащая ссадина в уголке рта и огромный синяк под правым глазом. Взъерошенные жидкие волосы, едва прикрывающие огромную лысину... Обычный работяга-выпивоха из трущобных предместий Пари-Нуво. Второй – уэн. Настоящий гуманоид. Тоже сильно помятый, но в этот раз живой.

Десантники второго взвода, решив не спорить, отошли к дверям, но уходить явно не собирались. Всем своим видом они показывали, что совершенно не причем, однако наверняка тоже хотели узнать, что случилось во время штурма и как погибли их товарищи.

– С кого начнем?

До боли знакомый тон... Знакомый по учебному лагерю, когда Арсис лежал под дождем в луже на плацу, а сержант, стоя под навесом, зачитывал ему избранные статьи устава.

– Думаю, с тебя, – сержант шагнул вперед и быстрым движением схватил за подбородок человека в желтом скафандре. Тот дернулся, пытаясь вырваться, но сержант отлично знал свое дело.

– Что, ублюдок, страшно? Ты попал в руки гражданина Республики. И поскольку ты, ублюдок, поправил закон, прописанный в хартии Республики, ты мне расскажешь все... Ты поднял руку на святое. На граждан государства, созданного во имя Восстановления Исторической Истины! Ты посмел...

Речь сержанта была длинной и витиеватой. Арсис не раз слышал ее – с некоторыми вариациями. Сержант не ставил целью баловать своих слушателей разнообразием. По первому разу этот монолог производил сильное впечатление. К тому же сейчас в качестве дополнительного аргумента выступал здоровенный десантный нож.

– Ну... – сержант схватил пленного за шиворот и хорошенько потрянул. – Говори, гад.

«Гад» что-то залопотал, закатывая глаза и пуская кровавые слюни.

– Оставьте его, – неожиданно произнес уэн. – Ваши старания бессмысленны. Он все равно не знает вашего языка.

Голос гуманоида был необычно высоким, и в нем слышалось что-то *нечеловечески* неприятное.

– Развяжите меня. Вы не имеете права держать военнопленных связанными, согласно вашим дурацким законам... Развяжите, а потом поговорим.

От такой наглости сержант опешил. Инопланетянин держался совершенно спокойно, хотя ему явно досталось. Он привстал и, чуть повернувшись, протянул сержанту руки, на запя-

стях перекрученные колючей проволокой. Кто бы не пленил гуманоида, дело он свое знал отлично: шипы глубоко вошли в желтоватую плоть уэна, превратив ее в кровавое месиво.

Злобно хмыкнув, сержант подцепил кончиком лезвия один из витков проволоки и рванул. Казалось, лопнула туго натянутая струна. Арсис непроизвольно отвернулся. Он хорошо представлял, какую боль должен был испытывать уэн. Однако гуманоид даже не дернулся и не издал ни звука. В камере стало очень тихо. Слышно было, как капли густой крови уэна со звоном разбиваются в брызги, падая на железные плиты пола.

– Итак, – продолжал уэн все тем же высоким, равнодушным голосом, – теперь, когда я физически свободен и пленен лишь морально, я готов ответить на ваши вопросы. Разумеется, если ответы на них не причинят ущерба боеспособности наших вооруженных сил.

Терпеливо дождавшись, когда пленник закончит свою витиеватую фразу, сержант снова хмыкнул.

– Что тут происходит? Есть ли в крепости еще «ваши»?

– На второй вопрос я не смогу вам ответить, – спокойно продолжал гуманоид. – Последних сто ваших единиц времени... примерно сто... я находился в плену у этих созданий/

Он кивком указал на тыквоголовых.

– Что же касается происходящего на этой базе, то не в даваясь в подробности, я описал бы происходящее следующим образом... Во время мероприятий по усилению обороноспособности базы на нас напали эти создания. Нас захватили в плен, после чего основная часть моих соплеменников была уничтожена самым варварским способом, во устрашение там, кто отказывался делиться стратегическими данными...

– Молчать! – раздался с порога гневный голос.

Арсис повернулся и увидел высокого мужчину в легком «полевом» скафандре консульской Старой Гвардии. Следом за ним в зал ввалилась толпа гвардейцев.

– Вы не имеете права проводить допросы военнопленных, – продолжал гвардеец, подходя ближе. Только сейчас Арсис разглядел его полковничьи нашивки.

– А подставляться под пули я могу... – начал было сержант, но гвардеец властным движением руки заставил его замолчать.

– Гражданин, вы обязаны выполнять приказы, которые отдают вам старшие по званию.

– Хорошо, – согласился сержант. – Но в виде исключения я хотел бы задать этому парню один вопрос.

И он кивнул в сторону гуманоида.

– Никаких вопросов, – отрезал полковник. – Пленные переходят в наше распоряжение. Вам, согласно приказу, надлежит как можно скорее покинуть территорию базы. В случае неподчинения я вынужден буду отдать приказ о вашем аресте.

Сержант мрачно покачал головой и зашагал к выходу, вяло расталкивая гвардейцев. Некоторые из них, с метками технических служб на скафандрах, копошились в пультах. Рядовые застыли вдоль стены с оружием наготове. Рядом с ними десантники в бронированных скафандрах выглядели уродливыми гоблинами, имеющими лишь отдаленное отношение к роду людскому.

Арсис поморщился и подобрал с пола свой шлем. Он даже не мог толком вытереть щиток. Впрочем, сейчас его это не волновало...

И только на борту одной из десантных шлюпок, глядя, как стремительно уменьшается, откатываясь куда-то вниз, планета, он набрался смелости и поинтересовался у сержанта, о чем тот собирался расспросить уэна.

Сержант скривился, сплюнул на пол, покачал головой и заговорил, стараясь перекрыть завывания стартовых турбин.

– Я и сам толком не знаю... Странно все это. Очень странно. Смотри. Уэны совершают вылазку, захватывают нашу базу. Кстати, почему именно эту базу?... Ладно, Бог с ним. Так вот:

захватили они базу, выставили стрелков, ждут нападения. Дождались. Вот только не извне, не из космоса. Они возникают прямо в крепости... Бред какой-то. Да и кто это такие – враги уэнов? Наши раструбили, что мы столкнулись лишь с одной инопланетной расой. Тогда кто такие тыквоголовые? Если тоже инопланетяне, то почему правительство до сих пор не сообщало об их существовании, а если просто банда мутантов, почему она не уничтожена? Нет, дружище. Тут кругом одни загадки... – сержант тяжело вздохнул. – К тому же я в толк взять не могу, случилось с той парочкой, которую мы встретили при входе.

– Но вы же были вместе. Вы отправили меня уничтожить наземную защиту, а сами отправились дальше...

– Вот этого я понять не могу, – сержант вновь вздохнул и потянулся. – Понимаешь, у меня словно провал в памяти какой. Я ж в себя пришел только там, центре. И не помню, хоть убей, как туда попал.

– Может вы просто отослали их назад, вместе с пленными?

– Не помню.

– А распятого уэна вы видели?

Арсис был уверен: такое не забывается.

– Какого уэна?.. – удивился сержант.

– Но вы же не могли пройти мимо него!

Сержант лишь покачал головой.

– Должно быть, во время взрыва двери базы меня здорово задело. Ничего не помню... Говорю же, я пришел в себя только в центре, когда ты...

– Тогда по прибытии на корабль, вам нужно показаться медикам.

– Не стоит, – отмахнулся сержант. – Знаю я этих коновалов. Толку чуть, только на анализы гоняют. Знаешь, Арсис... я тебя попрошу: ты, когда свой отчет писать будешь, не пиши о том, что я ничего не помнил. Я потом Лорана найду, он мне память просветлит.

Арсис кивнул. Он сам не хотел оказаться на месте сержанта. Медикам только дай повод, мигом окажешь в резерве, а то и вовсе спишут, и будешь влачить жалкое существование где-нибудь в предместьях Пари-Нуво или Орлеана на мизерную пенсию. А то и вовсе придется просить милостыню: «Подайте герою битвы на Бьенеме»... Э, нет! Героем еще стать надо, а пока они всего лишь ветераны, а героями... Героями, как всегда, станут гвардейцы, явившиеся к шапочному разбору.

Глава третья

Фабрика уродов

Быть объектом нападок врага – дело хорошее.
Мао Цзэдун

Драго медленно разлепил веки.

Затылок ломило не по-детски. Что случилось? Как он допустил, чтобы с ним вообще что-то случилось? Мысли бегали по кругу, натыкаясь одна на другую... То перед ним неожиданно всплывало лицо Живчика, то оказывалось, что это не Живчик, а Управляющий. Потом Драго казалось, что он вновь бежит, сломя голову, по узким улочкам Тау-52, а за ним несется толпа служителей, и стоит ему только раз ошибиться, сделать лишь один неверный шаг, как... Что случится тогда, он не знал, хотя подозревал, что ничего хорошего. Ладно, ну их куда подальше. Сон – это просто сон.

Беглец попытался собраться с мыслями. В глазах прояснилось, и Драго с удивлением обнаружил, что лежит и таращится в потолок. Потолок был не просто белый, а *очень* белый. Не то, что в его хибаре: там побелка давно растрескалась и пошла черными грибовыми пятнами. А здесь... Такое впечатление, что потолок *сделан* из белого цвета. Хоть бы царапка, хоть бы пятнышко! Глазу зацепиться не за что... В какой-то миг у Драго мелькнула шальная мысль: до потолка на самом деле тысяча лиг, а то и не одна. А может, наоборот – рукой подать. Поди разберись, когда тут все белое!

Оставив надежду сориентироваться в окружающем пространстве, Драго попытался вспомнить последние события. Он хотел удрать с планеты. Живчик наобещал ему с три короба, он повелся... А эта тварь тыквоголовая его подставила. Или правильно сказать «подставили»? Не в глазах же у него двоилось!

Похоже, Живчик – или Живчики – просто сыграли с ним злую шутку. Драго заскрипел зубами от ярости.

«Попадись мне только, стервец... Уж я на тебе отыграюсь...»

Даже если их там целая толпа этих *живчиков*... Сейчас он немного отлежится, а потом... порвет засранцев голыми руками! И концы в шахту.

Драго попытался поднять руку, сжать кулак, но обнаружил, что не может. Мышцы просто не работали.

Ладно, повернем голову.

Увидев перед собой ряд тонких черных полос, Драго в первый момент опешил: он не ожидал, что сможет пошевелиться. А потом сообразил, что это за полосы. Толстые металлические прутья.

«Ну, Живчик! Ну, гад! Я-то тебе поверил, а ты меня, тварь такая, в клетку засадил!»

Поначалу Драго не видел ничего, кроме прутьев. Но постепенно зрение прояснилось, и Драго заметил за их частоколом еще одну клетку. И там кто-то сидел. Драго пригляделся. Точно! И птичка непростая – судя по форме, служащий. А может, и кто из вояк. Только форма больно странная...

Ничего похожего Драго раньше не видел.

Узкие темные очки закрывали глаза незнакомца. Только это и не очки вовсе, а что-то вроде кожаного ремня, и в него вделаны стекла. Натянул-то как, аж в мясо врезались... На шее красовался длиннющий белоснежный шарф, скрывающий воротник короткой рыжей кожанки. На галифе лампы, сапоги начищены до блеска. Вот люди! Подышать будут, а сапоги почистят!

И еще Драго отметил, что парень совсем седой.

Незнакомец не замечал Драго – или делал вид, что не замечает. Он сидел в дальнем углу, закрыв глаза, и, казалось, размышлял о чем-то своем. Драго хотел окликнуть его, но губы и язык не слушались.

Похоже, Живчик крепко его отделал.

Драго бросил взгляд на другую сторону, но там была все та же ровная белая стена. Выбор невелик. Может, все-таки докричаться до этого хлыща кожаного? А там, смотришь, выяснится, что он торчит здесь давно и уже разобрался, что к чему. Однако новая попытка не увенчалась успехом. Все что сумел Драго, это сдавленно захрипеть.

– Х-х-х-хей!

Но незнакомец не услышал.

Эх, была не была... Из всех сил напрягая ноющие мышцы, Драго попытался приподняться на локтях. Кажется, ему даже удалось. Но тут черной волной накатила слабость, смыла, повлекла куда-то в бездну беспомощности... Парень услышал стон и сообразил, что стонет он сам – это была его последняя мысль.

Когда Драго снова очнулся, незнакомец расхаживал по своей клетке.

Возможно, за его клеткой были другие. Но Драго чувствовал, что слишком слаб, чтобы проявлять любопытство.

Подняться опять не удалось. На этот раз, правда, он не отключился, а вместо стога со стиснутых губ вырвался злобный звук, что-то среднее между «ух!» и «эй!». Однако теперь незнакомец услышал и остановился как вкопанный. Потом осторожно повернулся. И сделал несколько шагов в сторону решетки.

Неужели получилось? Теперь задать пару вопросов, и...

Язык не слушался. Казалось, в самый его кончик вкатили несколько уколов обезболивающего.

– Эй? – окликнул незнакомец и добавил что-то на странном наречии. Драго не понял ни слова, но стоило ему услышать несколько слогов, как в нем словно что-то переключилось. Его затрясло. Он вдруг понял, что ненавидит этот язык. Ненавидит всех этих... Ненависть была так сильна, что не хватало слов. Спроси его кто-нибудь, что именно он ненавидит, Драго не смог бы ответить. Он ненавидел. Он ненавидел этого человека в клетке – за то, что тот разговаривает на ненавистном языке. Носит эту ненавистную рыжую куртку. Какой же он весь мерзкий! Драго зримо представлял, как он вскакивает, разгибает прутья клетки, сбивает с ног типа в кожанке и вцепляется ему в горло, защищенное этим омерзительно белым, омерзительно чистым шарфом. Душить, давить, терзать, – до тех пор, пока от человека не останется ничего, кроме кровавого месива.

Он уже приподнял руку.

Руку...

Когда в поле зрения Драго попало *это*, парень замер в ужасе. Он отлично знал свои руки. Толстые, грязные пальцы, которые с такой легкостью вытягивали чужие кошельки... Широкие ладони. Руки, которые никогда не подводили его в драках.

Он сделал движение, словно рука была посторонним предметом, прикрепленным к плечу, но все же приводилась в движение усилием воли. Потом некоторое время разглядывал ее. Попытался пошевелить пальцами.

Нет, это действительно *его* рука. Вот только...

Не может быть. Он спит. Или бредит. У него едет крыша. Он тронулся умом, после того как Живчик, скотина мерзкая, приложил его по голове.

Драго поднял руку, поднес кисть к самому носу. Где пальцы? Где толстые грязные пальцы с заусенцами, которые он любил грызть по вечерам?

Ему частенько доводилось слышать, как папаши орут на своих неловких отпрысков: «Ты как ложку держишь? Что у тебя – руки или клешни?» Сам Драго, правда, никогда не удо-

стаивался подобных окриков. Тем не менее, теперь вместо человеческой руки у него была... клешня. Настоящая клешня...

Незнакомец в соседней клетке что-то тараторил, пытаясь привлечь внимание, но Драго не слышал его. Мир сжался до размеров этого отвратительного розового предмета, который когда-то был его рукой. Клешня напоминала челюсть: из розовой плоти выступали клинья белоснежных костей, напоминающих зубы.

Щелк!

Клешня сжалась так неожиданно, что Драго дернулся. Через миг он сообразил, что хотел сжать кулак.

Незнакомец в соседней клетке шарахнулся в сторону.

Не успев даже окликнуть его, Драго понял, почему не может разговаривать. И тут же забыл, о чем хотел сказать.

Губы тоже стали чужими. Они не занемели, как бывает от сильного удара – просто превратились во что-то вроде рогового клюва. А язык... О боги Вселенной...

Он всего-навсего облизал губы!!!

В детстве дети нередко донимают родителей двумя вещами: любовью к лакомствам и вопросами вроде «Зачем мне нос?». Родители Драго в этом отношении были настоящими счастливицами. Теперь Драго предстояло открытие. Одно-единственное движение языка стало ответом на вопрос, который не был задан. Его язык стал чем-то вроде руки... пальцев... нет... Для этого ощущения и для этой функции в привычном словаре Драго не находилось определения. Ясно было только одно: его можно было с полным на то основанием назвать длинноязыким. К тому же язык раздваивался на кончике, как у змеи. Язык? Нет, жало! Драго почти чувствовал яд, скрытый в каналах, проходящих внутри раздвоенного кончика языка.

– Нет! – закричал Драго и замотал головой. Клешни вновь оглушительно щелкнули. – Нет! Не хочу!

В этот миг он отдал бы все, лишь бы вернуться назад в грязную лачугу на окраине Тау-52. Он склонится перед законом, добровольно сдастся в руки служителей, отправится навеки в подземные рудники, где сгинет ни за грош, – чтобы вернуть свои руки, свой язык и все остальное... что там еще могло измениться. Ног, например, он еще не видел. И не горел желанием увидеть.

– Эй! – вновь крикнул незнакомец в коже. – Ты говоришь на языке уэнов?

Драго оцепенел. Это создание говорило с ним на государственном языке!

– Ты! – выплюнул он, повернувшись к незнакомцу. Сейчас не до болтовни. Только бы вернуться на Тау. Проснуться в городской тюрьме и с радостью прочитать приговор. На мгновение он вновь увидел площадь, запруженную шахтерами. Как он их тогда ненавидел... Как он любил их сейчас... Ведь они...

– Ты говоришь на языке уэнов? – вновь повторил незнакомец.

– Я говорю на своем языке, – отрезал Драго и тут же понял, что совершил ошибку. Этот хлыщ видит, каким стал Драго. И теперь наверняка собирается насмеяться и издеваться над ним. Ну уж дудки! Сейчас только бы собраться с силами, встать, а потом... потом ни одна решетка не сможет его остановить. Он им всем покажет. Он доберется до Живчика. Или живчиков. И посмотрит, как эта тварь напрудит под себя от страха. Он не просто убьет его... Он разорвет его на тысячу кусков, он посадит в каждый кусок его трепещущий плоти личинку...

Какую личинку?

Ощущение было такое, словно он с размаху налетел на бетонную стену.

Он должен знать о личинках. Но не знал и не хотел знать....

Первый, кого он увидел, вновь придя в себя, был Кожаный хлыщ. Он сидел на полу, скрестив ноги, и внимательно наблюдал на Драго.

– Ну как, очнулись? – поинтересовался он совершенно спокойно.

На этот раз эмоции не успели захлестнуть Драго. Возможно, дело было в том, что вопрос соседа отвлек пленника, и он не успел вспомнить метаморфозы, которым подверглось его тело, а спокойный тон не дал повода для раздражения.

– Да, – отозвался он, даже не пытаясь подняться. – Я очнулся. Где мы? Кто я?

– Хотел бы я знать, – ухмыльнулся Кожаный хлыщ.

– Я – *уэн*?

– Скорее уж чудо морское. Или ночной кошмар.

Драго зло зашипел.

– Не обижайтесь, – продолжал незнакомец. – Я нахожусь тут довольно долго и наблюдаю происходящие с вами перемены. Скажем так... забавно. Со мной вот происходит кое-что похуже.

Драго попытался сфокусировать взгляд на незнакомце. Перемены? На вид – человек человеком.

– Кто ты?

– Гражданин Республики.

– Республики?!

– Уэны напали на нас несколько лет назад... А вы?

– Я был гражданином Альянса, – соврал Драго. – Я был им, пока не... В общем, пока не встретил одного типа. Он пообещал мне, что поможет мне перебраться на более престижную планету.

– Выходит, он вас обманул.

– Выходит, – тяжело вздохнул Драго. – Но я до этого гада доберусь. Я его в порошок сотру...

– Вы лучше расскажите, что они сделали с вами. Почему вы стали таким?

– Каким?

Незнакомец не ответил.

Его молчание очень не понравилось Драго. Его собеседник, без сомнения был человеком. А вот он сам... Драго вновь поднял руку. На этот раз движение далось ему много легче.

– Я не знаю... – пробормотал он.

Отчаяние хлынуло через край. Хотелось выть, рыдать... а он мог лишь щелкать своим роговым клювом.

– Я не хочу быть таким... Я ненавижу... ненавижу...

Рот наполнился кровью. Кровавая слюна хлынула с губ, тело заколотили конвульсии. Незнакомец по ту сторону решетки попятился.

– Успокойтесь...

– Это ты успокойся... Я не знаю ничего ни о твоей Республике... ни о тебе... Но если выберусь отсюда, если вылезу из этой клетки... Клянусь, они все заплатят. Все, кто меня изуродовал. Клянусь....

– Не трать сил, – перебил незнакомец. – Пока любые твои клятвы – пустой звук. Мы... как бы тебе объяснить... В общем, мы на «Летучем Голландце». Я не уверен, что нам удастся выбраться. А даже если мы выберемся, с хозяевами этой посуды мы не совладать.

– «Летучий Голландец»?

– Это я его так назвал, – улыбнулся Кожаный. – Знаешь, была такая легенда... Может я и не прав, но сдается мне, что в этот раз я не ошибся.

– То есть?..

Человек не ответил. Он внезапно замер с закрытыми глазами, словно напряженно вспоминал что-то... и не мог вспомнить.

– Меня зовут Илэр, – произнес он каким-то холодным, чужим голосом. – Я – летчик-истребитель, гражданин Республики...

* * *

Говорят, на миру и смерть красна. Возможно. Во всяком случае, в *такой* смерти уж точно нет ничего прекрасного. Это страшно – смерть от удушья в полном одиночестве. Смерть в полной тишине, среди ехидно подмигивающих звезд и щупальцев туманностей.

Медленно вращаясь, Илэр летел сквозь пустоту. О чем он думал в эти долгие минуты? А может, часы? Столетия? Эоны? Время прекратило свое существование. Монитор таймера он отключил. Зачем ему часы? Чтобы следить, впившись взглядом в циферблат, как неумолимо ползет секундная стрелка, приближаясь к роковой черте?

А может, стоит плюнуть на все? Открыть щиток шлема и не мучаться. Встретить смерть, так сказать, с открытым забралом. Жадный поцелуй вакуума высосет жизнь. Раз, и всё...

Нет, так не годится. Он – гражданин Республики. Он должен сражаться до конца, он не имеет права отступать и сдаваться. Смерть – такой же враг, как уэны. Вот когда спазмы удушья сведут горло – тогда он поднимет щиток. А до того... до того он будет ждать, надеяться. Вдруг случится чудо, и его заметит какой-нибудь корабль...

Отключив программу биоограничителя, Илэр вывел на экран содержимое оставшихся контейнеров. Кроме всевозможных антидотов, стимуляторов и питательных веществ, обнаружили барбитураты – «на крайний случай». Илэр усмехнулся. Так... дозу берем среднюю... поскольку помирать мертвецки пьяным тоже не стоит. Разумеется, подобные действия принципиально противоречат уставу. Но... чтобы пилот-истребитель да не нарушал устав... «Кто воюет по уставу, тот подохнет за державу», – так, кажется, распевали в кабаках летного городка.

Илэр закрыл глаза и попытался расслабиться. Если ничего не остается, кроме как ждать смерти, то последние минуты жизни надо провести с комфортом...

И тут что-то ударило его сзади. Потом последовал резкий рывок. Звезды перестали вращаться и замерли, образовав привычный рисунок.

Пьяной дремы как не бывало. Несколько движений языком – и вновь заработали экраны кругового обзора под щитком шлема. От зрелища, представшего глазам Илэра, перехватило дух. Он таращился на экран и не мог поверить собственным глазам. На миг в голове мелькнула шальная мысль: кто-то из приятелей пошутил и подгрузил в компьютер голокартинку, шедевр какого-нибудь казарменного художника. Нет, это невозможно. Он один в звездной бездне. Пожалуй, он бы даже порадовался, окажись рядом кто-нибудь из приятелей-шутников.

В пустоте, прямо над головой и чуть сзади, висел...

...висел...

...корабль. Космический корабль.

Он был не просто велик. Он был немыслимо огромен – судя по величине транспортных шлюпок и антенн дальней связи. Носовой конус, усеянный щитами противометеоритной защиты, плавно переходил во вращающиеся с разной скоростью диски – жилые корпуса, вдоль которых на равном расстоянии примостились спасательные шлюпки. Сейчас они казались Илэру меньше булавочной головки. Дальше тянулось скопище цилиндров – грузовые отсеки и технические помещения, венчающие огромной воронкой фотонного двигателя.

«Нет, это шутка. Просто модель... У Республики нет кораблей такого размера».

И все же в обводах корабля угадывалось что-то знакомое. Во всяком случае, Илэр мог голову дать на отсечение, что этот корабль не принадлежит уэнам.

Но где он мог такое видеть?

Об этом стоило подумав позже. На досуге. А сейчас Илэра больше волновал другой вопрос.

Что произошло в тот момент, когда он очнулся? Свершилось чудо, боги космоса исполнили его молитву... Ага, вот он – старомодный магнитный якорь на тонком, невероятно проч-

ном полимерном тросе. Несколько запросов к компьютеру через биоразъем на запястье, – и Илэр убедился, что механизмы неведомого корабля работают исправно. Согласно данным компьютера скафандра, одна из установок корабля выстрелила в него магнитным якорем. И хотя корабля по самым скромным параметрам находился километрах в тридцати, выстрел был произведен с точностью, которой стоило позавидовать: якорь с первого же выстрела попал в вращающуюся цель. И теперь исполинское судно неспешно подтягивало пилота к себе.

Отцепиться, что ли? Но тогда прощай надежда на спасение. Хотя спасение уж больно странное...

Разглядывая неведомый корабль, Илэр немного увеличил изображение. Компьютер обеспечивал лишь десятикратное увеличение, но этого было достаточно, чтобы увидеть: корабль стар, очень стар. Не смотря на могучую астероидную защиту, его броневые плиты, изъеденные межзвездной пылью, напоминали губку. Сколько же лет странствовал этот Летучий Голландец в космической пустоте?..

И тут Илэра осенило. Он вспомнил. Неизвестный корабль как две капли походил на корабль-ковчег, который почти полтысячи лет назад принес людей в этот мир. Да, да... Именно так выглядел корабль переселенцев на голографиях, сделанных со старинных документов.

Но...

Илэр попытался сосредоточиться. Мысли о смерти и спасении отошли на второй план. Он попытался вспомнить все, что когда-либо слышал о Древней истории Республики. По правде говоря, слушал он вполуха, – история как таковая никогда его не интересовала, равно как и большинство его сокурсников. Да и кому, кроме яйцеголовых придурков, интересны файлы древних хроник, покрытые пылью веков? Или чем там еще файлы покрываются... Тем более сейчас, когда началась война, и коварные уэны пытаются захватить систему Робеспьера.

Тем не менее из того, что касалось Великого Исхода, Илэр вспомнил немало. Учебники утверждали, что на Земле – планете, откуда родом человечество, – существовала страна (или континент?.. не суть важно) под названием Франция. Жить там было хорошо, поэтому все стремились туда переселиться. Наконец, иммигранты, исповедующие языческие религии, настолько заволокли континент, что коренным жителям, сохранившим чистоту крови и убеждений, не оставалось ничего другого, кроме как спастись бегством. Или это было не во Франции, а во Франции разразилась экологическая катастрофа? Скорее всего, и то, и другое... В рамках эмиграционной программы всемирного правительства недовольные жители Франции арендовали один из кораблей-ковчегов, которым суждено было совершить всего лишь один полет и увезти тех, кто решил бежать с проклятой Земли, в иные миры. А может, и не арендовали... Может, захватили с боем – историки, как обычно и бывает, с пеной у рта отстаивали свое толкование давних событий... Несомненно одно: звездные первопроходцы, оказавшиеся на другом конце Вселенной, нуждались в какой-то основе, идейной базе для развития своей цивилизации. И роль той основы сыграли идеалы древней Республики, некогда существовавшей на территории Франции...

Дальше в познаниях Илэра зиял внушительный пробел. В памяти отложились лишь отдельные имена: Робеспьер, Марат, Вольтер... Но кем они были, какую роль сыграли в истории земной Франции много веков назад, он понятия не имел.

Замечательно. Значит, его спас – или захватил – корабль-ковчег. Посудина наподобие той, останки которой возвышаются посреди Парка Национального Спасения в предместье Пари-Нуво. Корабля, на котором в систему звезды Робеспьера прибыли предки нынешней граждан Республики. Илэр бывал там пару раз, но глазел не столько на груды старых металлических обломков, сколько на девушек.

Корабль рос на глазах. Даже если на корабле не осталось команды, рассуждал Илэр, или она пребывает в анабиозе, у него есть шанс. В любом случае на борту этой развалины найдется

передатчик, и можно будет подать сигнал бедствия. Главное – вовремя освободиться. Известно, чего ради его задумали спасать. И кто...

Если люди, то все в порядке...

Но если автоматика...

Механизмы корабля, управляемые бездушной программой, могут затянуть его в какой-нибудь грузовой отсек, куда складываются найденные в космосе обломки в целях последующего изучения. Откуда и выхода-то нет. И всё. Вместо смерти от удушья, но с шикарным видом на звезды, – смерть от голода в стальной мышеловке.

Быстро проведя инвентаризацию оставшегося оборудования, Илэр начал действовать. Сняв с пояса вакуумный пистолет, он проверил объем зарядов. Осталось всего две обоймы, но тут уж ничего не поделаешь. Таинственный корабль приближался. Он уже закрывал полнеба, и рядом с ним Илэр чувствовал себя крошечной песчинкой.

Направив дуло пистолета в сторону, Илэр нажал на спуск. Пары выстрелов оказалось достаточно, чтобы развернуться. Трос, связывающий его с кораблем, дал слабину, и пилоту удалось ухватиться за него свободной рукой. Теперь нельзя было терять не секунды. Сунув пистолет в кобуру, Илэр принялся подтягиваться – так яростно, словно от этого зависела его жизнь... впрочем, так оно и было. Когда трос оказался немного выбран, он перебросил его через петли пояса на животе. Толчок – и трос вновь натянулся. Но теперь Илэра тащило не спиной, а боком вперед.

Чем ближе к поверхности корабля, тем сильнее нарастала тревога.

Он даже не заметил, как в обшивке лениво раскрылся круглый зев люка. Когда до поверхности осталось не более трех метров, Илэр решился на следующую, самую опасную часть операции освобождения. Он прекрасно создавал: малейшая ошибка – и он вновь затеряется в космической бездне. Судьба – дама обидчивая, прижимистая и вряд ли подарит ему второй шанс на спасение.

Включив магниты на подошвах скафандра, Илэр резко качнулся, словно хотел завалиться набок, и одновременно перебил выстрелом трос магнитного якоря. Толчок оказался столь сильным, что Илэр, приземлившись на четвереньки, заскользил по шершавой броне, словно начинающий конькобежец, впервые вышедший на лед. Остановился он, лишь налетев на опоры какой-то конструкции.

Несколько секунд он пытался отдышаться. Первая часть плана удалась. Теперь нужно проникнуть на корабль. Только бы его системы жизнеобеспечения работали столь же четко, как и компьютер, управляющим магнитным якорем...

Илэр огляделся. Если не считать сооружения, которое помогло ему остановиться, поблизости не было ни одной надстройки. Он находился почти на корме, в то время как шлюзовые камеры и спасательные шлюпки располагались где-то впереди, на радиусах жилых дисков, и до них было... почти как до Млечного Пути. В какой-то миг Илэр поймал себя на том, что прикидывает, успеет ли он добраться до шлюзов, если поползет по поверхности корабля. Скорее всего, кислород закончится раньше. А грузовые отсеки?.. Нет, не тот, куда его едва не затянул магнитный якорь... Но ведь должны были астронавты древности как-то выходить на палубу, принимая и сгружая груз в космосе! Делать им нечего – таскаться всякий раз от жилых блоков до кормы, а потом обратно. Шлюзы должны быть и здесь... Их не может не быть.

Схема корабля-ковчега – один из главных экспонатов Мемориального музея Переселения в Национальном парке – стояла у него перед глазами... но он не смог вспомнить ни одной детали. Он помнил сам стенд, помнил полуарку над ним, сооруженную из обломков корабля, построенного на легендарной Земле... Но что было на самой схеме?..

Запас кислорода таял. Счет пошел уже не на часы – на минуты. Стараясь двигаться как можно осторожнее, чтобы не оторваться с поверхности, Илэр прополз вдоль старинной над-

стройки. Потом нырнул в углубление, решив, что люк может располагаться там... Ничего похожего... А в следующем? Опять пусто...

И все же Илэру повезло. Через полчаса изматывающих физических упражнений он отыскал дверь шлюза. Вернее, наткнулся на нее – иначе не скажешь. Это был стандартный прямоугольный люк с закругленными краями и рядом блок – цифровой замок.

Новая задача на первый взгляд представлялась неразрешимой: открыть люк, не зная кода доступа. Для начала Илэр попробовал простые комбинации типа «раз-два-три». Но шлюз открываться не собирался, хотя, судя по миганию светодиодов, пульт работал.

Илэр уже начал отчаиваться, проклиная злую Судьбу, которая в какой-то миг подарила ему шанс, а теперь, когда спасение было рядом, зло насмеялась над ним. Без сил опустился он на металлическую палубу. А если просто снести этот гребанный замок?... Хуже не будет.

Он поймал себя на том, что выругался, и усмехнулся. Кто воюет по уставу...

И тут люк распахнулся. Фигура в странном скафандре, которая выплыла из темной глубины, напоминала древний «пустолазный» костюм.

Пилот не успел ни подняться на ноги, ни даже подумать. «Пустолазный костюм» сделал шаг вперед. Удар магнитных подошв отозвался во всем теле неприятной дрожью. И на голову Илэра опустилось что-то тяжелое.

Вселенная поплыла перед глазами. Судорожно дернувшись, он почувствовал, как обе магнитные подошвы разом отлепились от палубы. Размахивая руками и ногами, крутясь, он поплыл было прочь от спасительной металлической поверхности корабля. Но человек в «пустолазном костюме» настиг его и нанес еще один удар.

Черное небо расцвело миллионом новых созвездий, а потом наступила крошечная тьма.

* * *

– И?... Что дальше-то было?

Илэр пожал плечами.

Он и сам толком не знал, что происходит. Он стал пленником. Его разместили в чистой камере-клетке. Койка, гигиенический узел, отделенный невысокой перегородкой, окошко в стене – вот и все достопримечательности его темницы. Каждые двенадцать часов окошко открывалось. За ним в небольшой нише находился поднос с пищей. Обычно рацион составляли белковая масса, сдобренная чем-то вроде варенья, и кувшин чистой дистиллированной воды.

Своих пленителей Илэр не видел, хотя он был уверен, что его неоднократно навещали во время сна. Вначале Илэр возмущался. Он кричал, требуя, чтобы его доставили к командованию корабля, пытался притвориться больным. Он даже пытался не спать в «ночное» время суток, чтобы поймать визитеров, но всякий раз засыпал как убитый. Поначалу пленник решил, что тюремщики подмешивают в еду снотворное. Он пропустил несколько трапез, демонстративно отправляя пищу в отхожее место. Но это не помогло: он продолжал засыпать и просыпаться, как по расписанию.

Прошло несколько дней.

Неожиданно в соседней камере появился новый обитатель. В отличие от Илэра, второй пленник пребывал в бессознательном состоянии – возможно, из-за тех жутких перемен, которые с ним происходили. Илэр заметил это не сразу. Потом решил, что всему виной воспаленное воображение. Несомненно, его сосед был человеком, но с каждым днем его внешность становилась все более отталкивающей.

Сначала – руки. Грубые и сильные, они чуть утончились, приобрели нездоровый малиновый оттенок. На них полностью исчез волосной покров. Тот момент, когда пальцы несчастного начали срастаться, превращаясь в клешни, Илэр пропустил: в это время у его соседа начало

меняться лицо. Волосы вылезли, нос вытянулся и стал похож на клюв. Губы трескались, как пересохшая грязь. Потом каждый из «обломков», превращаясь в белесое щупальце.

Самое интересное, что все изменения происходили, пока Илэр спал мертвым сном. Выходит, хозяева корабля и в самом деле не желают показываться. И почему они решили ставить опыты на этом бедняге, а не на нем?

Эти и множество других вопросов роилось в голове Илэра, но ни на один из них не было ответа. Пытаясь обнаружить хоть какую-нибудь зацепку, Илэр в очередной раз обходил комнату, осматривая прутья клетки. Нет, тут ловить нечего. Клетка сделана на совесть. Что касается самой комнаты... Ни окон, ни дверей – либо они очень тщательно замаскированы. Но зачем? Из клетки все равно не вырваться.

Размышляя над этим вопросом, он заметил, что его товарищ по несчастью пошевелился.

* * *

– И что теперь делать?

Илэр пожал плечами.

– А я откуда знаю? Я простой пилот. Свою камеру я облазил вдоль и поперек. Смею заверить, отсюда не так-то просто выбраться.

– Но можно?

Илэр покачал головой.

– К тому же есть еще один момент. Сомневаюсь, что дома нас встретят с распростертыми объятьями. Даже если мы расскажем все, как есть. Я имею в виду и Республику, и планеты Альянса.

Драго призадумался, пощелкивая своими рачьими клешнями.

«Хотя вашему появлению, коллега, – добавил Илэр мысленно, – могут-таки весьма обрадоваться... В любом пивном баре».

Помолчали.

– Расскажи про свою планету, – попросил Драго. – Я ж никогда не бывал нигде... А Тау – самое поганое место... Задница космоса. Большая вонючая задница, набитая вместо дерьма песком... Песок и шахты... Песок и рудники... Песок и горы щебня... Песок и терриконы... Жрешь – песок на зубах... Пьешь – песок в глотке... На бабу залезешь, песок в... В общем, и там песок... И людишки поганые среди всего этого песчаного дерьма ползают...

– Что с тобой? – изумился Илэр, глядя на капли тягучей, вязкой жидкости, сползающие с «клюва».

– Плачу... Родина все ж таки...

– Ностальжи... – сказал на родном языке Илэр, не припомнив, как звучит подходящее слово по-уэнски...

– Чё? – не понял ракообразный гражданин Альянса.

– Так говорят в моем мире.

– Вот и расскажи, что там да как....

– Моя родная планета... – начал было Илэр, и тут же запнулся.

Что рассказать этому омару-переростку? О зеленоватых, полных тайны небесах Эджена? Об удивительных Мерцающих скалах на курортах Синего моря? Или об Аллее Героев, что протянулась от Здания республики до Триумфальной арки?

Закрыв глаза, Илэр представил себе Аллею такой, как видел ее три года назад, когда выпускником академии участвовал в параде в честь инаугурации нового Консула-Президента Ксавье VI. Тогда каштаны, что выстроились вдоль Аллеи в две шеренги, цвели. И он, молодой курсант, шествовал в строю таких же бравых парней в новой, с иголки, форме, а люди толпились под деревьями и бросали им под ноги лепестки роз. Красные, малиновые, розовые,

белые, они кружились в воздух, подхваченные ветром с Елисейских полей. Это был настоящий праздник. Воздух, раскаленный летний воздух, был переполнен ароматом цветов. Как рассказать об этом?

– Моя родная планета... – вновь повторил Илэр, – она...

– Ну? – нетерпение читалось в глазах Драго. Он ждал сказки, словно маленький мальчик. Впрочем, по умственному развитию он и был маленьким мальчиком.

– Моя планета прекрасна. Там есть синие бездонные моря. По ночам в их глубинах таинственные светящиеся рыбы водят хороводы...

Илэр набрал побольше воздуха в легкие. Он говорил и говорил, сплетая правду с вымыслом, очаровывая Драго. Пусть забудет о своей тюрьме и о теле, ставшем тюрьмой. Пусть покинет их, хотя бы мысленно, и перенесется в иную реальность, где сказку не отличить от бытия.

Драго слушал его, прижавшись щекой к решетке, и в какой-то момент Илэр вновь заметил густые тягучие слезы, покотившуюся по его воспаленной красной коже.

* * *

На пятый день их знакомства Драго не выдержал. Обнаружив, что над верхней губой у него стали пробиваться суставчатые хитиновые усики, он в ярости зарычал и бросился на прутья. Какое-то время он тщетно пытался то ли согнуть их, то ли выдрать из креплений.

И тут Илэра осенило.

– Единственная надежда... – Пилот огляделся по сторонам, точно заговорщик, и помянул товарища по несчастью. Драго, не раздумывая, шагнул вперед и даже попытался втиснуть голову между прутьев.

– Сделайте вид, что внимательно слушаете меня, – шепотом продолжал Илэр. – Думаю, хозяева этого корабля внимательно слушают все наши разговоры и следят за тем, что происходит на борту...

Драго дернулся, не желая продолжать разговор. Но прежде чем он успел попятиться, пилот просунул руку сквозь решетку и ухватился за лохмотья его одежды.

– Послушайте. Это наш единственный шанс. Наши тюремщики наверняка заинтересуются, что мы тут напридумывали и...

Все произошло быстрее, чем ожидал Илэр.

По прутьям решетки, возле которой они стояли, прошел электроразряд. Не смертельный, но буквально разметающий «заговорщиков» в разные стороны. Через мгновение в дальнем конце длинного помещения, тоже отделенном решеткой, открылась дверь. Вошли несколько человек.

Вообще-то, назвать их «людьми» не поворачивался язык. Куда больше они напоминали компанию недоделанных геномодификатов, сбегавших из лаборатории инженера-генетика, – но вместо свободы угодивших в лапы безумного профессора, лепившего киборгов с использованием подвернувшихся под руку деталей от бытовой техники. Причем от техники, найденной на помойке.

Впрочем, с тем же успехом вошедших можно было принять за ожившие творения скульптора-конструктивиста, страдающего тяжелой алкогольной депрессией.

Их тела на две трети состояли из металла, изъеденного коррозией и местами превратившегося в ржавую труху. С металлическими деталями соседствовала побелевшая умирающая плоть, покрытая то ли старческими, то ли трупными пятнами.

Каким образом эти существа до сих пор сохранили способность передвигаться, было непонятно... Разве что нашелся некромант, зачем-то совершивший обряд воскрешения мертвых на кладбище киборгов.

Тем не менее, они стояли и молча разглядывали пленников. Некоторые сжимали в руках оружие странного вида. Темницу наполнили вонь тухлого мяса и тот особый запах, который висит в монтажных мастерских.

– Мы рады приветствовать вас на борту нашего корабля, – проговорило одно существо.

Похоже, хозяева «Голландца» выбирали глашатая по принципу наиболее отталкивающей внешности. Казалось, кто-то отрезал голову обычному человеку средних лет и посадил на туловище, собранное из рассыпающегося металла. Белесая, словно покрытая воском кожа и глубоко-запавшие холодные голубые глаза смотрелась особенно жутко рядом с завитками кабелей и полупрозрачными трубками, в которых булькала какая-то жидкость. Черная тряпка небрежно прикрывала чресла – дань приличиям, которые эти твари вряд ли бы соблюдали наедине друг с другом. Что касается рук и ног, то там наличие плоти даже не предусматривалось.

Драго зло зашипел, кинулся на решетку и просунул клешню между прутьями, но новый удар током отшвырнул его от решетки.

– Не стоит пытаться совершить то, что невозможно, – продолжало странное существо. Как ни странно, голос его оказался очень приятным. Он успокаивал, словно обволакивая невидимым пледом. – Итак, мы хотели бы знать, что вы задумали.

– А мы хотели бы знать ваши замыслы, – Илэр шагнул вперед. – На каком основании вы захватили нас в плен? Почему держите нас в клетке? Что вы собираетесь с нами сделать?.. Впрочем, прежде всего, как гражданин и офицер Республики, я хотел бы узнать, кто вы такие и на каком основании без предварительного согласования с правительственными и пограничными службами вторглись на территорию Республики.

Странное существо улыбнулось, отчего его физиономия стала еще более омерзительной. Злодей из дешевого комикса, да и только.

– Что ж, вопросы ваши резонны... – оно замерло, словно прислушиваясь к чему-то. – Но есть ли смысл отвечать на них? Вы пытались нас обмануть. Техники только что расшифровали вашу «тайную» беседу.

Существо вновь замолчало. Илэр чуть заметно улыбнулся. Занятно... Похоже, эта тварь переговаривается с кем-то, а потом принимает решение.

– Я хочу говорить с вашим командиром, – заявил пилот. – Поверьте, нам будет о чем поговорить.

Однако существо, казалось, не услышало его слов, – или же не обратило на них внимания.

– Мы – пилигримы, скитальцы, несущие Новую веру всем разумным существам Вселенной, – в его завораживающем голосе появились нотки высокомерия. – Мы – жалкие останки биоматериала, хранящегося на этом корабле. Мы были никем, мертвым грузом, скользящим по беспредельным космическим просторам. А потом... Потом пришло озарение самопознания. Мы осознали свой путь, свое предназначение...

– Ладно, все это высокие слова, – перебил Илэр. – Вот ему вы это расскажите.

Он ткнул пальцем в сторону Драго.

– Объясните, почему вы взяли меня в плен? Что вы сделали с этим парнем? Какова ваша дальнейшая цель?

Существо тяжело вздохнуло.

– Видимо, наши слова пока не могут проникнуть сквозь панцирь серости и недоверия, в который облачен ваш разум. Но когда мы придем в ваш мир, наставляя ваших граждан на путь истинный, помогая им, отстраняясь от пут власти государства, вы поймете, кто из нас прав. Жизнь – болезнь материи. Лишь в смерти достигается истинная гармония. И мы поможем осознать и принять нашу догму как людям, так и... гуманоидам, как вы их называете.

– Но я убивал...

– Наша догма подразумевает духовное очищение. Став одним из нас...

– Нет уж, нет уж, увольте, – Илэр покачал головой. – Лезть в дебри религии... Я солдат. Я принес присягу Республике и буду защищать ее до последнего вздоха...

– Видимо, поэтому наш Центр определил вас, как опасное существо, не подлежащее Перерождению.

– Под Перерождением вы подразумеваете это, – Илэр кивнул в сторону Драго.

– Для каждого Перерождение происходит по-своему. Вы, например, совершенно равнодушны к святым вещаниям. То, что в других людях вызывает перемены, изначально физические, а чуть позже духовные, не трогает вас.

– Ну и что? – поинтересовался Илэр. – Какой из этого вывод?

– Вы – плохой биоматериал. Такие, как вы, должны быть уничтожены истинно верующими. Например, сожжены на кострах во славу Истине...

– Хорошенькая перспективка. Значит, его вы признали нормальным? – пилот кивнул в сторону Драго, который сидел на полу, не пытаясь подняться.

– По крайней мере, его разум правильным образом отвечает на божественное воздействие. Мы освободили душу этого создания, и оно преобразовало себя в соответствии со своим внутренним мироощущением. Пройдет еще какое-то время, и наш новый брат осознает себя духовно. Тем более, что он сильно помог одному из наших эмиссаров... Создания, подобные вам, обладают ограниченным восприятием реальности. Им нужен некий стимул, чтобы обратиться к постулатам новой веры. До тех пор вы будете пребывать в неведении, страдать от ужаса перед неведомым. Вы цепляетесь за обломки своей неполноценной культуры, поклоняетесь одиноким богам, которые не в состоянии постоять даже сами за себя.

– Значит, вы хотите поналепить из людей чудовищ...

– Нет, освободить создания, наделенные разумом, от оков реальности!

– Сами-то вы, я уж вижу, освободились дальше некуда.

– Ничего подобного! Мы – лишь жалкие остатки биоматериала. Отбросы, которые наш Путь со временем отвергнет. Но пока мы можем служить правому делу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.